

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Тема досуга стала предметом исследования еще в V- IV вв. до н. э. Тогда о разумном использовании свободного времени рассуждали Сократ, Платон и Аристотель. В современной научной литературе существует немало исследований о досуге древних греков. С обширной библиографией по этому вопросу можно ознакомиться в недавно опубликованном сборнике статей под редакцией Э.Д. Фролова «Феномен досуга в античном мире» (СПб., 2013). Подавляющая часть подобных трудов посвящена досугу эллинов вообще, либо досугу афинян, так как об этом сохранилось наибольшее количество сведений в античной литературе. За последнее время появились работы о досуге в разных регионах греческой ойкумены [Климов, 2013, с. 257- 277; Evans, 2008]. Но еще не было специальных исследований о досуге жителей античных государств Северного Причерноморья. В предлагаемой статье предпринята попытка заполнить этот пробел, широко привлекая наряду с письменными источниками археологические материалы, которые до сих пор, на мой взгляд, мало использовали современные историки и филологи, занимавшиеся ежедневной жизнью населения древнегреческих полисов.

Время, не занятое различными видами труда, общественной деятельностью или войной, эллины называли словом *σχολή*, то есть досугом; его наличие считалось отличительным качеством свободного человека. Античные философы посвятили немало рассуждений о достойном проведении досуга, который считали драгоценным достоянием гражданина. Они осуждали пустое времяпровождение и рекомендовали посвящать свободное время интеллектуальным занятиям. Погружаясь в них, человек может наслаждаться блаженством и счастьем (Aristot. EN. X, 7; Xen. Symp. IV, 44), а чтобы получить такое удовольствие, нужно иметь определенное воспитание и образование (Aristot. Pol. VIII, 2, 5; 1338b). В часы досуга греки и римляне создали множество литературных, философских и разнообразных научных трудов. Поэтому в современной литературе античность иногда называют «цивилизацией досуга» [Фролов, 1981, с. 5].

Конечно, такое использование свободного времени было характерно лишь для интеллектуальной элиты общества, но ее представители участвовали также во многих характерных для большинства греков занятиях, заполнявших досуг. Формы его проведения можно разделить на общественные и частные. К последним относятся

вечерние застолья с друзьями, развлекательные игры, охота, разговоры на разные темы на агоре или в порту. О коллективном досуге заботились власти государства или отдельного города, а также монархи. Организацией подобных мероприятий занимались выборные граждане, в частности гимнасиархи и агонотеты. В трех надписях из Тиры, Нимфея и Гермонассы [КБН. 1039; Карышковский, 1959, с. 112, № 4; Соколова, 2001, с. 268-271] упомянуты местные агонотеты, имена же гимнасиархов встречаются во многих надписях Ольвии, Херсонеса и Боспора.

Коллективный досуг греки проводили в специально выстроенных для этого сооружениях. Таковы были театры, гимнасии, стадионы, портики и экседры (крытые галереи с местами для сидения), а в римское время к ним присоединились термы (общественные бани). Обо всех подобных зданиях в Северном Причерноморье имеются литературные и эпиграфические свидетельства, а также открытые археологами архитектурные остатки [Крыжицкий, 1993]. По надписям можно заключить, что строительство и ремонт общественных сооружений велись либо за государственные средства, либо на деньги богатых граждан, желавших оказать услуги родине и снизить популярность у соотечественников.

Общественные формы организации досуга

Все виды общественного досуга организовывались в дневное время. Наиболее распространенным из них было посещение гимнасия и театра. Многие массовые мероприятия проходили во время религиозных празднеств; они включали всевозможные зрелища, которые, начиная с V в. до н. э., уже непосредственно не связывались с религиозными ритуалами. Поэтому к досугу можно отнести время, которое зрители тратили на созерцание драматических постановок и разнообразных музыкальных, поэтических, атлетических и конных состязаний, сопровождавших разнообразные празднества, посвященные богам. В римское время к общественным формам досуга присоединились посещения гладиаторских игр и терм.

Гимнасий и стадион

Обязательные занятия в гимнасии входили в круг среднего образования сыновей граждан греческого государства. У взрослых привычка посещать гимнасий становилась одной из излюбленных форм проведения досуга. К занятиям в гимнасии допускались только мужчины, полноправные граждане, так что круг постоянно встречавшихся здесь лиц, особенно в небольшом городе, был весьма ограниченным, и все хорошо знали друг друга. Одни взрослые тратили свободное время на тренировки, чтобы выступать на состязаниях в самом гимнасии или на стадионе, другие под руководством опытного тренера делали упражнения для избавления от разных болезней [Шанин, 1980, с.127-128], например, так лечили ревматизм и заболевания селезенки (Paus. VI, 3, 4; Ael. Var. Hist. IV, 15). Почти все граждане приходили в гимнасий посмотреть на тренировки атлетов или на устраивавшиеся там праздничные соревнования. В комплекс построек гимнасия непременно входили беговая дорожка,

портик, окружавший открытый двор, где тренировались борцы, кулачные бойцы и другие атлеты; кроме того, имелись комнаты для раздевания, умащения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий.

В эллинистический период гимнасии стали также местом для интеллектуального досуга. Здесь находились общедоступные библиотеки, в портике гимнасия или в специальном зале посетители слушали выступления местных и приезжих поэтов и ораторов, а философы проводили беседы со своими учениками [Блаватская, 1983, с. 67, 308- 310; Фролов, 2013, с. 158-159].

Эллины справедливо считали, что спортивные тренировки укрепляют здоровье и поддерживают физическую форму, что способствует успеху во время военных действий. Кроме того, как писал Лукиан (Anach.13), занятия в гимнасии помогают "не становиться от праздности насильниками" и заполнять с пользой свой досуг. Так гимнасий реализовал в нужном направлении энергию подростков и взрослых. Эпизод из "Пира" Ксенофонта (I, 7) иллюстрирует посещения гимнасия взрослыми: гости Каллия днем занимались в гимнасии перед тем, как отправиться к нему на симпозион, чтобы отметить победу в борьбе юного Автолика, за которого хозяин болел во время состязаний.

В крупных государствах, например, в Афинах и Милете, имелось несколько гимнасиев, но в большинстве эллинских полисов строился только один [Jones, 1940, p. 220-225]. Так было в Ольвии и Тире. В Боспорском царстве, кроме столицы Пантикапея, гимнасии существовали в нескольких городах. В период расцвета Херсонесского государства гимнасий находился не только в Херсонесе, но, возможно, и в Керкинитиде и Калос Лимене. Эпиграфические свидетельства о северопричерноморских гимнасиях сохранились в надписях из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории, Горгиппии и Танаиса, а остатки этих строений найдены в Ольвии, Херсонесе и Фанагории.

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так, в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи [Берзин, 1961, с. 127]. Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Некоторое представление о том, как выглядели гимнасии в Северном Причерноморье, можно получить по археологическим находкам.

Ольвийский гимнасий находился в районе агоры уже в V в. до н. э. [Леви, 1985, с. 99]; затем его неоднократно перестраивали и переносили на новое место, о чем можно судить по архитектурным остаткам и двум надписям. Древнейшее имеющееся у нас письменное упоминание местного гимнасия содержится в граффито на штукатурке здания III в. до н. э. [Семенов- Зусер, 1940, с. 40]. В лапидарной надписи II в. н. э. сообщается о постройке нового гимнасия [IOSPE I². № 40]; его местоположение сейчас не известно, но ясно, что он находился не на старом месте, так как прежняя центральная площадь оказалась вне стен города, и в слоях римского времени там найдены лишь хозяйственные ямы.

В конце IV – начале III вв. до н. э. ольвиополиты заменили на агоре старый гимнасий новым каменным зданием с фасадом, украшенным мраморными деталями [Леви, 1985, с. 99-108]. Большую часть постройки занимал зал для тренировок и соревнований. Он делился на три части двумя рядами прямоугольных колонн по девять в каждом ряду. От выложенного галькой пола сохранилось немного, но, вероятно, разноцветная галька составляла какой-то рисунок, подобный тем, которые частично уцелели в парадных комнатах богатых ольвийских домов.

К восточной стороне зала примыкали банные помещения; в них найдены остатки труб, по которым вода поступала в большие пифосы из колодца, располагавшегося в юго-западной части здания. Этот каменный колодец был сложным гидротехническим сооружением, поскольку водоносный слой в Верхнем городе лежал на глубине примерно 30 м. На южной стороне гимнасия концентрировались комнаты хозяйственного назначения и туалет, а в восточной части помещались большие топки. Жар от них по гончарным трубам шел к днищам резервуаров с водой.

Фанагорийский каменный гимнасий, подобно ольвийскому, впервые построили в классический период, и позже он подвергся значительным перестройкам. Именно об этом гимнасии говорится в плохо сохранившейся стихотворной надписи IV в. до н.э. (КБН. 991). Здание под черепичной крышей имело богатый архитектурный декор. Главный зал окружали известняковые колонны, их венчали мраморные капители с тонкой резьбой, потолок украшали кессоны — мраморные плиты с пальметтами, а стены покрывала штукатурка излюбленного греками красного цвета с добавлением белых и желтых орнаментов [Кобылина, 1956, с. 29-32]. Гимнасий в Фанагории существовал и в римское время (КБН. 983).

Архитектурные остатки херсонесского гимнасия римского времени найдены между главной улицей и оборонительной стеной; сохранились фрагменты мраморной облицовки стен, остатки банных помещений и бассейна [Кадеев, 1996. с. 34, 35]. Древнейшее известие о наличии гимнасия в Херсонесе содержится в надписи III в. до н. э. (IOSPE I². 418). Там в числе должностей видного государственного и общественного деятеля Агасикла названа его обязанность гимнасиарха. Но, конечно гимнасий в Херсонесе появился значительно раньше.

О гимнасиях в Пантикапее, Горгиппии и Танаисе известно лишь по упоминаниям в надписях о самих гимнасиях и об их руководителях (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1263, 1264, 1277-1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии и проводившиеся там праздники существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

Все античные государства постоянно заботились не только о постройках, ремонте и содержании гимнасия, но и о том, чтобы нанять хороших тренеров. В надписях Северного Причерноморья уцелело имя лишь одного учителя гимнастики Фарнака, приглашенного в Пантикапей из Синопы (КБН. 129).

Кроме упомянутого Агасикла, в надписях сохранились имена некоторых ольвий-

ских, херсонесских и боспорских гимнасиархов. Например, херсонесский гимнасиарх Демотел (IOSPE I². 436) во II в. н. э. поставил памятник с текстом гимна Гермесу, который исполнялся на празднике в гимнасии; вероятно, на утраченной части мраморной стелы перечислялись победители на агоне, сопровождавшем праздник, который посетили многие херсонеситы. Больше всего уцелело имен боспорских гимнасиархов, но их упоминания в надписях Пантикапея, Горгииппии и Танаиса не связано с деятельностью в этой должности (КБН. 90, 103, 1140, 1263, 1264, 1277- 1280, 1277, 1288).

Гимнасиархи ведали всеми делами, относящимися к функционированию гимнасии. Обычно их выбирали из состоятельных граждан, имевших возможность добавить к общественным средствам собственные деньги. Сами же они подобным способом завоевывали признание соотечественников и получали возможность баллотироваться на более высокие государственные должности. Это можно проиллюстрировать ольвийской надписью II в. н.э.; в ней речь идет о Феокле, состоятельном и весьма уважаемом гражданине. Ольвиополиты четырежды избирали его первым архонтом; 18 городов наградили Феокла золотыми венками за гостеприимство, оказанное их гражданам. Будучи гимнасиархом, Феокл заново построил гимнасий, а когда он умер, там установили его статую (IOSPE I². 40).

В середине III в. до н. э. гимнасиарх Никодром поставил в ольвийском гимнасии статую своего сына Дионисия, победителя в беге во время праздничного состязания в честь Гермеса. Обычай украшать гимнасий статуями рекордсменов известен во многих греческих городах, так что упомянутая скульптура, наверное, в Ольвии была не единственной. От статуи Дионисия уцелел лишь постамент с сильно поврежденным стихотворным посвящением Гераклу и Гермесу (IOSPE I². 186). Во многих мифах рассказывалось об их выдающихся атлетических достижениях. Гермес олицетворял образцового спортивного юношу, а Геракл – зрелого мужчину, способного побеждать в разных видах атлетики. Поэтому эллины считали их покровителями гимнасиев, и там во многих городах устраивались агонистические празднества Гермеи.

Письменные и эпиграфические источники содержат упоминания о Гермеях в Афинах, Беотии, Сиракузах, на островах Делосе, Теосе, Самосе [Берзин, 1961, с. 127]. Название этого праздника в Северном Причерноморье сохранилось в двух надписях из Горгииппии и Херсонеса. Первая из них датируется IV в до н. э. и представляет собой большой каталог победителей на местных Гермеях за много лет (КБН. 1137). Фрагмент второй надписи, исполненной во второй половине II в. до н. э., содержит 11 плохо сохранившихся строк законодательного акта относительно тренировок и состязаний молодых граждан Херсонеса. Там перечислялись указания гимнасиархам, как проводить праздник, устраивать священную процессию в сопровождении эфэбов, совершать жертвоприношения Гермесу и организовывать игры [Makarov, 2002, p. 189- 190]. Строки из гимна, посвященного Гермесу и исполнявшегося на празднике в гимнасии, сохранились на фрагменте херсонесской надписи того же времени (IOSPE I². 436).

О том, что в Северном Причерноморье взрослые мужчины посвящали свой

досуг тренировок в гимнасиях, свидетельствуют надпись об атлетических победах граждан Горгииппии, старшему из которых было около 50 лет [Берзин, 1961, с. 115; Анохин, 1999, с. 210-212], а также записи о достижениях ольвийских архонтов и стратегов. Граждане занимали подобные должности, лишь пройдя определенные ступени политической карьеры. Поэтому далеко не юношами были архонты Пурфей, одержавший победу в метании копья и диска, Еврисивий, победивший в беге и прыжках, Адой, ставший лучшим борцом и прыгуном, Салий, опередивший всех в беге, и не известный по имени архонт, который дальше всех бросил копье и диск, а также стратег метатель копья Леонид (IOSPE I².130, 138, 155, 156, 157). Благодаря этим надписям мы узнаем, что взрослые граждане могли посвящать свой досуг тренировкам не в одном виде спорта. Это было в духе эллинских традиций; известно, например, что одни и те же олимпийские рекордсмены побеждали в разных видах атлетики (Paus. VI, 3, 3; 4, 2).

Среди херсонеситов также встречались призеры в двух видах атлетики. Критобул побеждал в борьбе и кулачном бою, Антилох – в беге на длинную дистанцию и в кулачном бою (IOSPE I². 434). Их имена сохранились на фрагменте надписи с перечнем победителей на спортивных агонах. Такие надписи греки выставляли на всеобщее обозрение около гимнасиев. Особый интерес представляет упомянутая надпись из Горгииппии с большим перечнем победителей на праздниках в честь Гермеса в IV- III вв. до н.э. Участники делились на четыре возрастные группы: мальчиков 12-15 лет, юношей 16-17 и 18-19 лет, взрослых старше 20 лет. В последней группе побеждали чаще всего мужчины 26-30 лет, а самому старшему победителю было 48 лет. Из этого можно заключить, что некоторые граждане посвящали свой досуг тренировкам до преклонного по античным меркам возраста. Горгииппийская надпись показывает, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе. Во многих греческих городах жили целые династии атлетов-победителей [Шанин, 1980, с. 148-149]. О наличии таких династий в Северном Причерноморье свидетельствует горгииппийский каталог, включающий имена чемпионов братьев, отцов и сыновей [Берзин, 1961, с. 115; Анохин, 1999, с. 210-212]. Они, надо полагать, принадлежали к состоятельным семьям, члены которых могли уделять продолжительное время тренировкам, в то время как у бедняков работа занимала весь световой день, когда был открыт гимнасий.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой небольшой флакон для масла, полотенце и стригиль — скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к

телу песком и пылью. При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие сосуды имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями (рис. 1). Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу. Состоятельные люди приобретали дорогие и изящные принадлежности атлета. Таковы, например, многоцветный алабастр из финикийского стекла IV в. до н. э. (рис. 2) и бронзовый стригиль I в. н. э. с серебряной инкрустацией в виде листьев плюща, принадлежавшие жителям Пантикапея, и вошедшие в моду во II в. н. э. найденные в Горгиии бронзовые стригили (рис. 3) с ручками, украшенными орнаментами из цветной эмали (РОА. № 110- 114, 124).

В IV-III вв. до н. э. в херсонесском некрополе устанавливали в качестве надгробных памятников известняковые стелы с рельефными изображениями стригилей и висящих на шнурке флаконов для масла (арибаллов, алабастров или амфорисков) (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). Они напоминали о том, что погребенные посвящали немало времени занятиям и состязаниям в гимнасии. Вероятно, выдающийся атлет был похоронен в пантикапейском склепе на рубеже IV-III вв. до н. э. На стене погребальной камеры нарисованы необходимые для спортсмена стригиль и алабастры с маслом, а также призы за победу, состоявшие из наградных венков и узорчатых повязок-тений (АДЖ. с. 71, табл. 26, 27). Художник изобразил их повешенными на гвоздях, вбитых в стену; поэтому можно представить, как такие награды украшали комнаты в домах чемпионов различных соревнований (рис. 4).

О том, какими видами спорта занимались в гимнасиях Северного Причерноморья, можно судить по надписям с перечислением победителей разных агонов: ими становились бегуны на короткие и длинные дистанции (IOSPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IOSPE I². 130, 156), борцы (IOSPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IOSPE I². 434), метатели диска (IOSPE I². 130, 157, 158) и копья (IOSPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя. Это показывает, что в Северном Причерноморье занимались всеми традиционными греческими видами атлетики.

На месте, где постоянно проводились соревнования в беге, размечались дистанции в стадиях, а само такое место называлось стадионом. На подобном стадионе в IV в. до н. э. некий херсонесит получил в награду за бег чернолаковую чашку, как гласит об этом прочерченная на сосуде надпись [Толстой, 1953, с. 58, № 81]. Сейчас трудно определить точно дистанции, которые пробегали античные атлеты на тех или иных стадионах. Ведь размер стадия в разных государствах определялся различно и колебался от 164 до 210 м [Фирсов, 1972, с. 161]. Вероятно, в Северном Причерноморье колонисты первоначально, по традиции своей метрополии, пользовались ионийским стадионом (210 м), а позже, начиная с V в. до н. э., когда наблюдается влияние Афин во многих областях жизни северопричерноморских полисов и в частности в системе мер и весов, они, наверное, перешли на аттический стадий (177,6 м).

Рисунки атлетов на аттических вазах, найденных в Северном Причерноморье, напоминали их владельцам время, проведенное в гимнасии и на стадионе, а для нас они служат иллюстрациями к излюбленному виду досуга греков. Больше всего изображений бегунов. На небольших сосудах обычно нарисован один, а на амфорах и кратерах — несколько соревнующихся бегунов. Чаще всего они запечатлены во время бега на дистанции, изредка на финише, где победитель заканчивал бег, подняв руки [Скуднова, 1988, с. 40, № 17]. Среди подобных ваз выделяется мастерством рисунка панафинейская амфора из гробницы близ Пантикапея (АП. № 41). Художник великолепно передал стремительный бег трех атлетов, энергично помогающих себе движениями согнутых рук (рис. 5).

Вазы с иллюстрациями кулачного боя входят в число наиболее ранних аттических сосудов, появившихся в Северном Причерноморье. Таковы кратер из Пантикапея, расписанный в мастерской известного вазописца Лидоса в середине VI в. до н. э. (рис. 6), Наиболее выразительна сцена кулачного боя на панафинейской амфоре конца V в. до н. э., найденной на азиатской стороне Боспора (рис. 7). В центре картины двое бойцов. На кистях рук у них намотаны ремни, игравшие роль современных боксерских перчаток. Вазописец показал заключительный момент схватки: побежденный упал и, подняв руку, молит о пощаде замахнувшегося победителя. За его спиной стоит судья в нарядном плаще с узорами, с венком на голове и длинным посохом в руке. С другой стороны от бойцов изображен атлет, наблюдающий за боем. Он держит еще не завязанные на кистях ремни. Это эфедр — боец, который должен сразиться с победителем.

Весьма выразительны две терракотовые статуэтки IV в. до н. э. из боспорского кургана Большая Близница. Одна изображает нагого кулачного бойца в венке, показывающем, что он только что одержал победу, и утомленный сидит, еще не сняв ремни с рук. Скульптор передал характерные для таких бойцов внешние приметы присущие этому виду спорта травм: расплюсченные уши, губы и нос. Другая терракота представляет момент схватки двух борцов [Семенов-Зусер, 1940, с. 17].

Большинство эллинов выделяли свое свободное время для посещения стадиона, где наряду с традиционными видами атлетики проходили состязания в стрельбе из лука и разнообразные конские ристания. В Северном Причерноморье определенные сведения сохранились только о стадионе, построенном ольвиополитами на Ахилловом Дроме (совр. Тендровская коса). Там уже в V в. до н. э. находился стадион, оборудованный по крайней мере для бега. Это можно заключить по словам песни хора из «Ифигении в Тавриде» Еврипида (ст. 435- 436), упомянувшего, что корабль Ореста проходил мимо Ахиллова Дрома «с прекрасно размеченными стадиями», то есть дистанциями для бега. Песчаная Тендровская коса как нельзя лучше подходила для проведения подобных состязаний, потому что греки соревновались, бегая по песку. Вот как писал об этом Лукиан в диалоге «Анахарсис»: «Мы заставляем юношей упражняться в беге, как на большие расстояния, так и на скорость; и этот бег производится не на твердом месте, а на глубоком песке, где трудно прочно встать и нелегко опереться ногами, так как они вязнут в мягкой почве».

Из почетного декрета в честь Никерата (IOSPE I². 34) известно, что на стадионе Ахиллова Дрома проходили конные ристания. Кроме того, там соревновались в стрельбе из лука. Соседство с кочевыми племенами, использовавшими лук в качестве важнейшего боевого оружия, заставило греков и самих постоянно прибегать к такому оружию, о чем свидетельствуют множество бронзовых наконечников стрел во всех слоях античных городов Северного Причерноморья. Поэтому здесь уделяли серьезное внимание владению луком и включали стрельбу в состязания на местных праздниках. Вероятно, на упомянутом стадионе ольвийский лучник Анаксагор установил в IV в. до н. э. удивительный рекорд, пустив стрелу на расстояние 282 оргии, то есть примерно на 540 м (IOSPE I². 195). Это значительно превышает современные достижения, достигающие 440 м. Наверное, конструкция ольвийского лука позволяла добиваться большей дальности, чем у теперешних спортивных снарядов [Черненко, 1981, с. 139]. Ольвиополиты, по-видимому, изготовляли луки по образцу скифских; их специфическую форму с выступом посередине сейчас можно представить по археологическим находкам и многочисленным изображениям (рис. 8).

Конные ристания принадлежали к наиболее престижному виду состязаний, на которые собиралось множество зрителей. Именно перед этими соревнованиями на Ахилловом Дроме глашатай читал почетные постановления с перечислением заслуг особо отличившихся граждан, о чем говорится в декрете Никерата. О конных состязаниях свидетельствуют найденные в ольвийских могилах три наградные амфоры рубежа IV-III вв. до н. э. [Фармаковский, 1903, с. 29-30, рис.15; Соколов, 1999, с. 137, рис. 85, 86; Скржинская, 2010 а, с.107]; они символизировали высшие достижения, некогда завоеванные этими ольвиополитами у себя на родине и за ее пределами. Одна из этих ваз представляет редкий образец из серии поздних панафинейских призовых амфор, сохранившихся в очень малом числе. Ольвийский победитель получил в Афинах чернофигурную вазу, традиционно украшенную с одной стороны фигурой богини города, а с другой изображением возницы на бегущей колеснице. Лавровые ветви на горле и листья на венчике двух других амфор указывают, что сосуды изготовлялись с целью стать призом победителю. На обеих амфорах с одной стороны нарисован возница на бегущей колеснице, а другая сторона имеет разные сюжеты рисунка: на первой воин с копьем, а на второй мчащийся всадник с факелом (рис. 9). Изображение меты, столба на стадионе, около которого проносились колесницы, указывает зрителю, что нарисовано именно конное состязание, а не иной сюжет, например, иллюстрация эпизода из эпического сказания о битве на боевых колесницах.

Конные соревнования в античности были весьма разнообразны; на них выступали всадники и колесницы, запряженные одной, двумя или четырьмя лошадьми, либо мулами (Paus. V, 8, 2; 9,1). Судя по рисункам упомянутых ваз, на Ахиллеях состязались и колесницы, и всадники, причем один из видов соревнований включал умение доскакать до финиша, не потушив зажженный на старте факел.

Театр

Греческий театр был одним из главных мест проведения общественного досуга. Поэтому его строили так, чтобы в нем помещались все желающие граждане. У нас нет никаких сведений о том, могли ли в Северном Причерноморье присутствовать в театре женщины и представители свободного неполноправного населения. Однако вместимость театра давала представление о составе и количестве населения города. В IV в. до н. э. этим воспользовался полководец Мемнон. На Боспор к царю Левкону он отправил вместе со своим послом прославленного кифарода Аристоника. Тот объезжал с концертами боспорские города, и все жители собирались в театр, чтобы послушать исполнителя, знаменитого во всей Элладе; так Мемнон неофициально узнал о численности взрослого населения страны, с которой назревала война.

В сохранившейся античной литературе это сообщение Полиена (V, 44) является единственным упоминанием о театрах в Северном Причерноморье. Прочие сведения о зрелищах в театрах на северной окраине греческой ойкумены можно почерпнуть из нескольких местных надписей и разнообразных археологических находок.

Античный театр всегда включал три основных элемента: оркестру, сцену и театр. Оркестра была круглой или полукруглой площадкой для выступлений хора; сцены, буквально «палатка», первоначально служила местом переодевания актеров и хранения театрального инвентаря. С V в. до н. э. сцену, находившуюся позади оркестры, начали художественно оформлять как декоративный фон для пьес: стена сцены, выходящая на оркестру, чаще всего изображала фасад дворца или храма, перед которым обычно разворачивалось действие трагедий.

Места для зрителей, располагавшиеся уступами и подковой окружавшие оркестру, назывались театр; они дали наименование всему сооружению. Театр в течение многих веков мало изменялся, он делился на секторы радиальными и концентрическими проходами. Оркестра постепенно теряла свою определяющую роль, потому что хор в пьесах отодвигался на второй план и в конце концов совсем исчез. В VI–V вв. до н. э. на оркестре выступали хор и актеры, а в эллинистический период актеры перешли играть на крышу невысокой сцены либо на проскений, возвышавшийся за оркестрой перед стеной сцены.

Первоначально греческий театр служил местом проведения празднеств в честь Диониса, во время которых выступали детские и взрослые хоры, разыгрывались трагедии, комедии и сатирические драмы. Уже в V в. до н. э. их содержание часто не имело отношения к культу Диониса, а театр стал использоваться и для других зрелищ. Например, после 480 г. до н. э. в афинском театре устраивали петушиные бои (Ael. Var. Hist. II, 28)). Из упомянутого выше рассказа Полиена и сочинений других античных авторов (Himer. Or. XVIII, 3) известно, что греки ходили в театр на концерты певцов и музыкантов, игравших на духовых и струнных инструментах. Со школьных лет эллины умели ценить ораторское искусство, поэтому они охотно слушали речи на философские и политические темы, и хорошие ораторы собирали большую аудиторию в театрах (Dio Chrys. I, 32; XXVII, 77; Himer. Or. XIII, 2). В первые века нашей

эры театральную сцену стали приспособлять для новых развлечений - звериной травли и гладиаторских боев.

О праздниках Диониса, проходивших в ольвийском театре, известно из текстов четырех надписей IV- III вв. до н. э. (рис. 10). В них говорится о чтении глашатаем почетных декретов в честь граждан Ольвии во время Дионисий в театре [IOSPE I². № 31; НО. 28-29; Виноградов, 1984, с. 57, 58], то есть в присутствии большинства граждан. Подобный обычай сообщать в театре о выдающихся заслугах соотечественников и иностранцев известен по надписям из Афин и многих других греческих полисов. Эсхин в речи «Против Ктесифонта» говорил, что публичные провозглашения почетных декретов оказывают огромное воспитательное влияние на молодежь.

Местоположение театра на достаточно хорошо исследованном ольвийском городище до сих пор не обнаружено, хотя археологи неоднократно предпринимали его поиски. Скорее всего, театр находился на склоне между Верхним и Нижним городом, и еще в древности его полностью уничтожил оползень. На городище найден небольшой мраморный торс Силена с ребенком-Дионисом на руках. Наверное, эту статую, исполненную афинским мастером на рубеже IV-III вв. до н.э., приобрели для украшения ольвийского театра, так как подобная скульптурная композиция находилась в афинском театре [Клейман, 1986, с. 115- 120]. После гетского разгрома в первых веках нашей эры ольвиополиты, вероятно, не смогли построить новый театр. Не случайно о нем нет упоминаний ни в одной надписи римского времени, а Дион Хрисостом (XXXVI, 17), по просьбе ольвиополитов, произносил речь не в театре, как ему случалось в других городах, а у храма Зевса, где лишь немногие уважаемые граждане могли сесть на ступенях храма, а остальным пришлось стоять.

В Херсонесе зрители проводили свой досуг в театре до заката античной эпохи. Позже на его месте построили христианский храм. При исследовании его руин О.И. Домбровский в 1954 г. увидел под ними несколько каменных скамей и ступенек лестницы, в которых археолог узнал фрагменты здания античного театра; дальнейшие исследования дали возможность понять, когда впервые появилось здание театра и как его перестраивали несколько раз [Домбровский, 1960, с. 29].

В III в. до н. э. херсонеситы пригласили опытного зодчего для постройки каменного театра. Архитектор ориентировал его так, что солнце освещало проскений в любое время дня. Само здание соответствовало хорошим образцам своего времени, о чем свидетельствуют уцелевшие рустованные квадры, прекрасно пригнанные один к другому, и каменные скамьи с изящным профилем. От украшавшего театр мраморного фриза сохранился небольшой фрагмент с изображением богини Гармонии — спутницы Муз и Харит, покровительниц музыкального и драматического искусств [Соломоник, 1988, с. 46]. Театр существовал до IV в. н. э. и четырежды капитально перестраивался. Согласно реконструкции О. И. Домбровского, во II в. н. э. он вмещал около 3000 человек (рис. 11). Фасад проскения был выполнен в дорическом ордере; по размерам орхестры и проскения здание мало отличалось от театров Эллады, но значительно уступало многим по количеству мест для зрителей, что объясняется

небольшим населением города [Домбровский, 1960, с. 30-36; Крыжицкий, 1993, с. 146, рис. 99, 100].

Херсонеситы приходили в театр смотреть драматические представления и музыкальные агоны, сопровождавшие многие праздники, начиная с эллинистического периода. Возможно, здесь в III в. до н. э. Сириск читал свое историческое сочинение, за которое соотечественники наградили его золотым венком (IOSPE I². 344). В первые века нашей эры, когда в городе стоял римский гарнизон, в театре стали проводить гладиаторские бои. Косвенным свидетельством об этом является перестройка театра во II в. н.э. когда проскений расширили и выдвинули вперед к зрителям; полукруглая площадка оркестры могла превращаться в арену до 30 м в диаметре, а вместо первого ряда зрительских мест сооружался высокий барьер, вероятно, с металлической решеткой [Домбровский, 1960, с. 30-32].

На фрагменте обнаруженного в Херсонесе мраморного рельефа с изображением заключительного момента борьбы гладиаторов и надписью имени победителя Ксанф (НЭПХ. № 124 б, с. 68; АСХ. № 502, рис. 200) представлен один из моментов зрелища, которое наблюдали херсонеситы на сцене своего театра. Это схватка гладиатора, называемого секутором, и его традиционного противника ретиария, вооружение которого состояло из сети длиной около 3 м, большого трезубца и кинжала; он стремился сетью опутать противника и нанести ему решающий удар. На рельефе побеждает секутор. На его голове шлем, закрывающий лицо, в руках щит и короткий меч, которым он собирается нанести последний смертельный удар упавшему на землю ретиарию. Тот поднял вверх правую руку с раскрытой ладонью и отодвинутым большим пальцем; этим жестом, обращенным публике, он безмолвно молит о помиловании [Горончаровский, 2009, с. 233]. На обломанных краях рельефа уцелели части руки и ноги утраченных фигур, которые представляли другие сцены боя. Косвенными свидетельствами о популярности гладиаторских боев в Херсонесе служат привозные светильники с изображениями пар сражающихся гладиаторов или победителя с пальмовой ветвью, с которой он совершал круг почета по арене. В III-IV вв. светильники с подобными изображениями стали делать херсонесские мастера, причем чаще всего изображали схватки секутора и ретиария [Горончаровский, 2009, с. 235].

Около театра греки ставили стелы с высеченными на них именами победителей в мусических состязаниях. Обломок одной подобной надписи римского времени найден вблизи херсонесского театра. Сохранились лишь слова, говорящие о соревнованиях хоров, комедиографов и поэтов, писавших эпиграммы и энкомии (хвалебные стихотворения), а также глашатаев и трубачей (НЭПХ. № 127). Иллюстрацией к упоминанию о комедиографах могут служить бронзовая статуэтка актера в роли раба и терракотовые изображения комических масок и актеров, найденные в Херсонесе [Кадеев, 1996, с. 38; ТС. 1970, с. 73].

На правой обломанной части херсонесской надписи перечислялись победители; из них читается лишь автор энкомия Марк. Это латинское имя сразу напоминает, что во II-III вв. в Херсонесе находился римский гарнизон, и кто-то из его состава мог

принять участие в состязаниях на празднике. Среди херсонесских надгробий есть эпитафия Аврелия Сальвиана, трубача одиннадцатого Клавдиева легиона [IOSPE I². 551; АСХ. № 390, рис. 167]. Он изображен на стеле в полный рост с большой трубой в руках. Поэтому участие легионеров в соревнованиях трубачей вполне вероятно. Однако римские воины вряд ли столь хорошо знали греческий язык, чтобы писать на нем энкомии. Поэтому поэт-победитель Марк скорее всего был местным греком из первых лиц государства, имевших римское гражданство и потому носивших римские имена. Например, в декрете 174 г. среди херсонесских магистратов, подписавших документ, четверо имели римские имена, а пятеро – смешанные греко-римские [Антонова, Яйленко, 1995, с. 86].

Древнейшее свидетельство о театрах в городах Боспора относится к IV в. до н. э.; оно содержится в упомянутом рассказе Полизна (V, 44), из которого следует, что театр был не только в столичном Пантикапее, но и в других боспорских городах, наверное, в Феодосии, Нимфее, Фанагории, Гермонассе. Наряду с драматическими представлениями там проходили концерты музыкантов. Кроме уже упомянутого Аристоника, в боспорских театрах, наверное, выступал не менее знаменитый в Элладе кифарод Стратоник, живший при дворе царя Перисада (Athen. VIII, 41, 349 d).

В Пантикапее найдено почти целое мраморное кресло, изготовленное на рубеже IV-III вв. до н. э. Подобные кресла устанавливали в театрах для жрецов, магистратов и почетных гостей [Блаватский, 1957, с. 247]. Право занимать особые места в первых рядах театра входило в число привилегий, отмечавшихся в почетных декретах. Поэтому нам известно, что боспорянин Никий, ольвиополит Дионисий и херсонесит Сокрит сидели на почетных местах во время дельфийских праздников (МИС. 12), а в Ольвии подобной привилегией пользовался гражданин Истрии Феодот (НО. 7) и некоторые милетяне (Syll³. 286).

Греческие театры, как правило, строились у подножия горы или холма, чтобы использовать естественное возвышение для располагавшихся уступами мест для зрителей. Поэтому, надо полагать, что пантикапейский театр находился на склоне горы Митридат, вершину которой венчал акрополь с резиденцией боспорских царей. Этот театр, вероятно, украшал мраморный рельеф с изображением свиты Диониса. От скульптуры, исполненной афинским мастером в IV в. до н. э., сохранился только фрагмент с фигурой человека в костюме силена, несущего на плече лозу с крупными гроздьями винограда [рис. 12; Гайдукевич, 1949, с. 126, рис. 27].

Как и в Херсонесе, в первые века нашей эры на Боспоре устраивали гладиаторские бои, участники которых изображены на стенах царского склепа I в. н. э. (АДЖ. с. 357, 358, табл. 89 -91). Живописец нарисовал нескольких персонажей, выступавших на грандиозном представлении, возможно, организованном в память о покойном царе [Горнчаровский, 2009, с. 217]. Действие начиналось, как было принято, травлей диких зверей, а после этого шли бои гладиаторов.

Как показано на фреске, во время травли пеший боец нанес трезубцем смертельный удар в горло леопарда, вооруженные копьями всадники убивали медведя, кабана

и оленя, а целящийся из мощного лука всадник пускал стрелы в поднявшегося на задние лапы гепарда. Стоит отметить, что большинство изображенных на картине животных можно было изловить в окрестностях Боспора и не тратить, как в Риме, большие средства на приобретение экзотических зверей из дальних стран. По наблюдению В.А. Горончаровского (2009, с. 218), всадники, принимавшие участие в звериной травле, были боспорянами, так как они одеты в местный костюм, состоящий из длинного до колен хитона, перетянутого поясом, обтяжных штанов и небольших кожаных сапожек. Но во второй части представления полуобнаженные гладиаторы с традиционным оружием, в частности ретиарий с сетью, были профессиональными бойцами, за приглашение которых платили немалые деньги.

К косвенным свидетельствам о гладиаторских боях на Боспоре, как и в Херсонесе, относятся привозные и местные светильники с изображениями гладиаторов, а также резные украшения саркофагов со сценами травли зверей. Но в отличие от Херсонеса эти сюжеты выходят из моды на Боспоре уже во II в. н.э., поэтому можно предположить, что увлечение гладиаторскими боями было здесь кратковременным [Горончаровский, 2009, с. 230].

О театре в Тире и в других не упомянутых выше городах Северного Причерноморья нет никаких определенных сведений. Мы также не знаем, какие именно пьесы смотрели местные греки. Найденные здесь статуэтки актеров и терракотовые копии театральных масок в большинстве своем находились в погребениях и были связаны с успокойным культом. Однако они имели реальные прототипы, и по ним можно судить, что местные эллины хорошо знали основные типажи греческой трагедии, комедии и сатировской драмы. В последней корифеем хора сатиров обычно был пожилой Силен. Не случайно ольвийский и боспорский театры украшали изображения этого спутника Диониса, причем на боспорском рельефе хорошо видно, что перед нами не мифический персонаж, а именно актер в хорошо известном по другим изображениям костюме, который не закрывает кисти его рук и ступни ног (рис. 12). Для сравнения достаточно напомнить фигуру актера в костюме Паппосилена на знаменитой вазе Пронома с изображением нескольких актеров в роли Геракла и сатиров (рис. 13).

Терракотовая фигурка трагического актера из Фанагории, сделанная из местной глины на рубеже нашей эры [Кобылина, 1961, с. 89, табл. 12, 6], показывает, что на Боспоре вплоть до римского времени играли трагедии. Лицо актера скрывает трагическая маска, увенчанная высоким онкосом — треугольной приставкой, увеличивавшей рост исполнителей героических ролей в трагедии. На маске выделяется большой раскрытый рот с опущенными углами. Одетый в длинный плащ актер стоит, перебирая рукой струны какого-то неясно изображенного музыкального инструмента. Судя по форме и тому, что инструмент оперт на стоящую рядом высокую подставку, это — тригон, род древней арфы. Актер во время действия переодевал несколько масок, показывая, как меняется настроение или состояние героя (например, смена маски требовалась Эдипу после его ослепления); кроме того, один и тот же артист зачастую изображал нескольких персонажей, поэтому, переходя к другой роли, он

менял маску. По большей части маски представляли типы, хорошо известные и понятные зрителям. Но иногда, особенно в афинском театре V в. до н. э., изготавливали маски, имевшие сходство с высмеиваемыми людьми; такой была маска Сократа в «Облаках» Аристофана (Ael. Var. Hist. II, 13). Множество различных типов масок описано в словаре Поллукса (IV, 133-154). Он назвал 28 трагических масок: 6 видов стариков, 8 — юношей, 3 — слуг и 11 женских масок. Для новой комедии Поллукс перечислил 11 разновидностей масок юношей, 9 — стариков, 7 — рабов, 14 молодых и 3 старых женских маски. По маске зритель сразу понимал, каковы пол, возраст, социальное положение и даже основные черты характера того или иного персонажа.

Находки терракотовых копий в Северном Причерноморье показывают, что местные греки знали много разновидностей театральных масок (рис. 14, 15). С определенной сценической ролью можно связать маски и статуэтки Геракла, любимого персонажа как трагедии, так и комедии. Три боспорских маски (На краю...2002, № 227, 228; ММ. № 101) отождествляются с героем по повязке с характерным «геракловым узлом» (рис. 16); они относятся к его серьезным образам, а четыре статуэтки V-IV вв. до н. э. из Пантикапея, Феодосии и Херсонеса представляют Геракла в комедиях. Там он изображался пьяницей и обжорой; достаточно напомнить его роль в «Птицах» Аристофана. На упомянутых статуэтках Геракл одет в костюм комического персонажа с привязанным фаллосом; актер снабжен атрибутами героя — львиной шкурой и палицей. Феодосийская и две херсонесских статуэтки сделаны в Аттике, а пантикапейская — местного производства (ТС. 1970, с. 73, табл. 8,3; ч. 2. с. 80, ч.3. с.19, табл. 10,3.).

Редкая иллюстрация целой театральной сцены сохранилась на двух терракотах IV в. до н. э. из Пантикапея и Кеп. На них представлены два актера в масках сатиров, несущих третьего актера в роли Диониса [Журавлев, Ломтадзе, с. 55-69; На краю ... 2002, № 212]. Другая сцена с участием двух актеров, вероятно, персонажей местной комедии, представлена на статуэтке эллинистического времени; она сделана из боспорской глины и найдена в Пантикапее [Кобылина, 1961, с. 88]. Одна фигура имеет маску и костюм раба, а у второго персонажа без маски изображено лицо юноши и одежда с характерными для боспорян узкими брюками (рис. 17). Вероятно, это эпизод пьесы, в котором раб поддерживал хозяина, помогая ему добраться домой. Судя по венку на голове безбородого молодого человека, он участвовал в пиршестве и там слишком много выпил, или его специально опоили*.

Терракотовые маски дают представление о типажах, а не о действующих лицах определенных пьес. Комические персонажи из древней и средней комедии одевались в обтяжное трико, короткий хитон и плащ. Под ними прикреплялись утолщения, деформировавшие торс, с нижней части которого свисал большой кожаный фаллос. Уродство фигуры усугублялось широкой маской, делавшей актера большеголовым и лишавшей его шеи. Этот гротескный костюм, вероятно, заимствован из народных маскарадов, представлявших фаллических демонов [Webster, 1956, p. 56]. В таком

* Может быть, коропласт изобразил сцену из местной комедии или, во всяком случае, из комедии, которую играли в театре Пантикапея.

наряде мы видим актера древней комедии на двух сходных статуэтках из Ольвии и Пантикапея [Ходза, 2001, с. 2008]. Аттические скульпторы зачастую изображали комических актеров в роли раба, сидящего на алтаре; там он, наверное, искал убежище от наказания после совершения недостойных проделок. Подобные терракотовые статуэтки и фигурные сосуды найдены в Ольвии, Пантикапее и в кургане Большая Близница на азиатской стороне Боспора (ТС.1970 с. 52; Ч.3. с. 19-20; АМ. № 76).

Комический актер в женской роли представлен тремя похожими статуэтками IV в. до н. э. из Ольвии, Пантикапея и кургана Большая Близница. Артист с большим выпирающим животом одет в женский хитон и гиматий (рис. 18). По-видимому, он гротескно представлял беременную старуху [Ходза, 2001, с. 210, 211; На краю... 2002, № 216]. Иногда актер снабжен атрибутом, напоминающим хорошо известный образ из одной или нескольких пьес. Такова аттическая статуэтка IV в. до н. э. из Пантикапея, изображающая комического актера с молотом на плече (На краю.. 2002, № 215).

Рассмотренные статуэтки и маски дают лишь слабый намек на то, какие пьесы зрители смотрели в театрах Северного Причерноморья. Конечно, здесь ставили произведения прославленных греческих драматургов и местных авторов. Надо думать, что особый интерес проявляли к пьесам, действие которых происходило на северных берегах Понта. Из них сохранилась лишь одна трагедия Еврипида «Ифигения в Тавриде», а по названиям и кратким цитатам известны трагедия Софокла «Скифы» и комедия Антифана «Скифы и тавры».

О существовании местных комедиографов свидетельствует упомянутый фрагмент херсонесского агонистического каталога. Пантикапейская терракота, изображающая раба и хозяина, вероятно, иллюстрирует местную комедию, так как хозяин одет в боспорский костюм (рис. 17). В эллинистический период широкую популярность завоевали мимы, диалогические или монологические сценки бытового содержания. Они известны сейчас по сочинению «Мимиямбы» ионийского поэта Герода. Иногда в мимах шутливо изображались боги; может быть, в местном театре разыгрывался мим на сюжет мифа о коварстве Афродиты в борьбе с гигантами в какой-то пещере на Боспоре [Strab. X, 2, 10; Тохтасьев, 1983, с. 117]. Терракотовая статуэтка актера- мима из Тиритаки [Котина, 2013, с. 405] указывает на знакомство боспорян с таким видом театральных представлений.

Термы

В первые века нашей эры в греческих городах появился новый вид общественных сооружений – общественные бани, термы. В них местные жители стали проводить свой досуг подобно римлянам, у которых посещение терм было излюбленным проведением свободного времени. О термах в Северном Причерноморье известно по надписям и архитектурным остаткам.

В ольвийской надписи конца II в. н.э. сказано, что в городе на общественные средства построена баня со штучным полом (IOSPE I². 174). Для ее возведения при-

гласили опытного архитектора; его имя не уцелело, но слова о том, что этот уроженец Никомерии обладал также гражданством Том, показывают, что жители этого города высоко оценили его мастерство и удостоили высшей награды, даровав право гражданства. Другая надпись о термах найдена в Херсонесе. В ней сообщается, что Деметрий соорудил термы для города на собственные деньги (НЭПХ. 133). Обе надписи, по-видимому, были вмонтированы на видном месте стены бани.

Архитектурные остатки терм, самых крупных в Северном Причерноморье, обнаружены в Херсонесе, фрагменты подобных построек найдены в Пантикапее, Фанагории и в Кепях [АГСП 1984, с. 209; Крыжицкий, 1993, с. 185- 186]. Там раскрыты части строений, обязательных для любых терм: это комнаты для раздевания, помещения для холодных, теплых и горячих ванн, а также системы для подогрева воды. Римские бани имели мужские и женские отделения, либо в одной бане отводилось разное время для мужчин и женщин. Нам не известно, посещали ли женщины бани в Северном Причерноморье, или, подобно гимнасию, это было место для досуга только мужчин.

По произведениям римских авторов можно представить, как посетители проводили время в термах. Обычно при бане находился сад со скамьями, где посетители отдыхали, обмениваясь новостями. Кроме того, здесь была обнесенная колоннадой площадка для разнообразных игр и занятий разными видами гимнастики, куда направлялись перед посещением собственно бани. Наряду с атлетическими упражнениями здесь любили заниматься разными играми с мячом или просто смотрели, как это делают другие.

Раздевшись в предбаннике, посетитель шел сначала в фригидарий, где размещался холодный бассейн, затем в тепидарий с теплым бассейном. В нем не мылись, а лишь прогревались, готовясь перейти в жаркий кальдарий. Там потели и отправлялись в большую ванную с горячей водой. В термы ходили не только для соблюдения гигиены и получения удовольствия, но также для улучшения здоровья, так как врачи рекомендовали баню для лечения некоторых болезней. Здесь также предлагали свои услуги массажисты и банщики. Иногда при бане находились заведения, где можно было поесть, а в сами термы приходили разносчики всевозможной еды [Сергеенко, 1964, с. 144- 160].

Частные формы проведения досуга

Симпосион

В вечерние часы греки нередко посвящали свой досуг встречам с друзьями и интересными собеседниками у себя дома или в специально нанятом помещении. Такие встречи сопровождалась сначала угощением, а затем большую часть времени питьем вина, поэтому подобные сборища эллины называли симпосионом, то есть совместным питьем вина. За чашей вина участники застолья обменивались новостями, вели всевозможные беседы, пели, развлекались разными играми, слушали приглашенных музыкантов.

Масса упоминаний о симпозионах рассыпана по всей античной литературе: у лирических поэтов и комедиографов, у философов и гастрономов. Трактаты Платона и Ксенофонта с заглавием «Симпосион» (в русских переводах «Пир»), хотя и посвящены философским рассуждениям участников застолья, изобилуют массой бытовых подробностей своего времени. Важнейшим источником о греческих симпозионах является одно из сочинений Плутарха, которое так и называется *Συμπόσιακά*. В русском переводе оно озаглавлено двумя словами «Застольные беседы» (Плутарх, 1990), так как автор воспроизводит беседы, которые в его присутствии велись на пирах в родной Херонее, в Афинах, Дельфах, Коринфе, Риме и других городах. Среди тем, обсуждавшихся гостями, были рассуждения о лучшей организации симпозиона (Plut. Sympos. I, 1-4). Современное значение слова симпозиум (такова его латинизированная форма) опирается на выработавшийся в античности литературный жанр философской беседы на пиру, но теперь подразумевает обсуждение не только философских, но и других тем.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют сведения о симпозионах на северном краю греческой ойкумены, но археологические находки в сопоставлении с записями древних авторов предоставляют немалые возможности для реконструкции этого вида досуга северопричерноморских греков. К таким свидетельствам относятся наличие андронов, специальных больших комнат для приема гостей, в богатых домах Ольвии, Херсонеса, Керкинитиды, Пантикапея и Фанагории [Домбровский, 1994, с. 169; Крыжицкий, 1993, рис. 109- 114]. При раскопках всех городов и более или менее крупных поселений найдено множество обломков парадной посуды; особенно часто встречаются фрагменты разнообразных сосудов для вина, которые употребляли во время симпозионов. На некоторых имеются застольные надписи, прочерченные острым предметом во время пира. Древнейшие из них сделаны борисфенитами и ольвиополитами в архаическое время [Толстой, 1953, № 10, 11; ББ. № 261, 262, 266, 267]. Надгробные стелы римского времени из некрополей Боспора и Херсонеса часто украшала сцена загробной трапезы (АСХ. № 336-344, 350- 354): умершего изображали пирующим; он счастлив, предаваясь любимому досугу в потустороннем мире. Образцом для подобных рельефов служили симпозионы в реальной жизни. Поэтому можно утверждать, что симпосион сопровождал жизнь греков в Северном Причерноморье на протяжении всего античного периода существования древнегреческих государств в этом регионе.

Симпозионы проводили не в любой день; например, в дни, посвященные подземным богам, полагалось соблюдать пост. Античные авторы называют разнообразные поводы для устройства симпозиона: отпраздновать победы на всевозможных состязаниях, попрощаться с друзьями, отправлявшимися в дальний путь, или приветствовать их возвращение из путешествия, устроить ужин после жертвоприношения и др. В «Пире» Платона беседа происходит в доме поэта Агафона, который созвал гостей в честь своего успеха на драматическом агоне; гости в «Пире» Ксенофонта отмечали победу юноши в атлетическом состязании; друзья Плутарха несколько раз собира-

лись на симпозион по случаю его возвращения из Александрии (Plut. Sympos. V, 1; Mor. 678 e).

Подобно другим грекам, эллины в Северном Причерноморье отмечали симпозионом различные награды, полученные за заслуги перед государством или за победу на спортивном или музыкальном агоне. О таких наградах известно по текстам почетных декретов, записанных на каменных стелах из Тиры, Ольвии и Херсонеса [Скржинская, 2010, с. 281-314]. Здесь, как и повсюду в греческой ойкумене, любили пригласить гостей, чтобы послушать рассказы приезжих из других городов или соотечественников, возвратившихся из путешествия (Plut. Sympos. IV, 3; Mor. 666 f). Вероятно, местные греки соблюдали присущий эллинам обычай устроить праздничное угощение после жертвоприношений, которые в древности совершали по самым разнообразным случаям (Xen. Mem. 3, 11; Plut. Sympos. III, 1; Mor. 642 f, 645 d). Немыми свидетелями древних жертвоприношений являются множество античных каменных алтарей, найденных при раскопках на северных берегах Черного моря [Скржинская, 2010, с. 20-21].

В обязанности хозяина не всегда входила забота о предоставлении всего необходимого для застолья, а именно: еды, вина, благовоний для умащения, венков из цветов и душистых растений. Ведь симпозион нередко устраивался вскладчину, и гости сами приносили еду и вино (Xen. Symp. I, 15; Memorab. III, 14, 1; Parke 1977. P. 110). У небогатых людей эти яства бывали довольно скромными. В I в. до н. э. Филодем в одной из своих элегий описал, как один гость принес капусту, другой — соленую рыбу, третий — лук, четвертый — печень, пятый — свинину.

Греки не любили многолюдных сборищ; они считали, что для приятного общения количество гостей не должно превышать числа муз, то есть девяти. Плутарх (Symp. V, 5; Mor. 678 d), рассуждая на тему, надо ли приглашать на симпозион много гостей, говорил, что хорошее застолье теряет смысл, если количество его участников превысит пределы, допускающие возможность одновременного общения всех сотрапезников. Этим объясняется, почему Агафон, хозяин симпозиона в «Пире» Платона, пригласил всего пятерых гостей, а в комедии Аристофана «Осы» перечислено семь сотрапезников. К приглашенным иногда присоединялись приведенный гостем приятель или незванный друг дома. Так, Сократ по своей инициативе привел к Агафону Аристодема, а в разгар пира туда зашел Алкивиад, возвращаясь с другого симпозиона, и хозяин радушно его принял, усадив рядом с собой.

На симпозион звали к назначенному часу, и опоздание считалось дурным тоном (Plut. Sympos. VIII, 6; Mor. 726 a-b). Гости появлялись в праздничной одежде; сняв обувь и омыв ноги, проходили на мужскую половину дома в андрон. Там они располагались на местах, выбранных ими самими или указанных хозяином. Произвольный выбор считался демократичным, но хозяину часто следовало распределить гостей по рангам, особенно если являлся почтенный или знатный гость: ведь определенные места в андроне считались наиболее почетными, причем в разных государствах они определялись не одинаково (Plut. Sympos. I, 3; Mor. 619 b).

Остатки андронов найдены при раскопках многих античных городов. В Северном Причерноморье полы и части стен таких комнат открыты в Ольвии, Пантикапее, Фанагории и Керкинитиде [Крыжицкий, 1993, рис. 108- 114]. Стены богатых андронов украшали росписи по штукатурке, полы устилала мозаика из разноцветной гальки, а начиная со II в. до н. э. из смальты (кубиков для мозаики). В городах Северного Причерноморья обнаружены фрагменты разноцветной штукатурки и остатки полов андронов с мозаикой только из гальки; она чаще всего воспроизводила геометрические орнаменты: круги, ромбы, квадраты, меандры и др. Сюжетная композиция украшала пол в ольвийском доме III в. до н. э. (рис. 19), но, к сожалению, там утрачена центральная картина, заключенная в круг; уцелели два шедших по краю орнаментальных пояса: внешний в виде волны и внутренний – с изображением пантер, львов, кабанов и грифонов [Леви, 1985, с. 40, рис. 25, 26]. Лучшее сюжетное изображение сохранилось среди руин большого дома III- II вв. до н. э. в Херсонесе (рис. 20). Там цветной галькой были выложены фигуры двух обнаженных женщин; они стоят у лутерия, чаши для омовения, на которой сидит голубь, священная птица Афродиты. По предположению О.И. Домбровского [1994, с. 159- 169], художник представил Афродиту в двух ипостасях: Урания (небесная) в плаще, а полностью обнаженная - богиня любви и красоты.

В ольвийском андроне вокруг мозаичного пола вдоль стен на возвышающихся панелях находилось восемь лож [Крыжицкий, 1971, с. 57- 58]. На них в античности возлежали мужчины во время трапезы, причем на одном ложе могли помещаться два (рис. 21) и даже три человека. В «Пире» Платона вместе с хозяином Агафоном на ложе находился Сократ, а когда позже к ним присоединился Алкивиад, возник спор, кому поместиться рядом с философом (Plat. Symp. 213 b, 223 b). Поэтому на восьми ложах упомянутого андрона могло поместиться до двадцати гостей, но, как уже говорилось, их обычно бывало значительно меньше.

Античные ложа днем служили местом для еды и отдыха. Ложе состояло из деревянной или реже бронзовой рамы, установленной на четырех ножках. На раму натягивались ремни или веревки, сверху клали матрац, а под руку возлежащего одну или несколько подушек. Это хорошо видно на ольвийской стеле ситонов, изготовленной в III в. до н.э. (рис. 22). Пирующий мужчина опирается на несколько подушек в изголовье ложа, ножки которого украшены сложной резьбой. Рядом стоят пять ольвиополитов, составлявших коллегия ситонов; как явствует из надписи на стеле, они вошли в комиссию, созданную для обеспечения населения хлебом в голодный год (НО. 72). Успешно исполнив свои обязанности, ситоны заказали рельеф с изображением своей коллегии, Бога и Богини, им покровительствовавшим. Бог представлен в виде пирующего бородатого мужчины в плаще на обнаженном теле, он возлежит на ложе и держит наполненный вином ритон; у ложа стоит круглый столик с яствами и мальчик-виночерпий.

На этой стеле, как и на более поздних надгробиях со сценами заупокойной трапезы, хорошо видно, что греки в Северном Причерноморье в торжественных случаях

одевались так же, как эллины в прочих античных государствах, то есть носили большой плащ-гиматий, окутывая им обнаженное тело, либо надевали этот плащ поверх нижней рубашки- хитона. В такой праздничной одежде приходили на симпозион.

Приступая к застолью, собравшиеся выбирали симпосиарха, распорядителя пира. Он следил за направлением беседы, не допускал крайностей, руководил смешиванием вина с водой, старался не разрешать гостям слишком много пить (Plut. Symp. II, 4 ; Mor. 620). Во время симпозиона ценилось умение принять свободную и непринужденную позу, а в начале беседы похвалить что-нибудь из окружающей обстановки.

Перед едой слуги подавали воду для мытья рук, затем у каждого ложа ставили маленькие столики с угощением, которые меняли при каждой перемене блюд (Aristoph. Vesp. 1210-1218). Такой круглый столик на трех ножках представлен на стеле ситонов (рис. 22) и на упомянутых херсонесских и боспорских надгробных памятниках (рис. 23). Прежде чем приступить к питью вина, пирующие снова мыли руки, а слуги подметали и даже мыли пол (Xenophan. I, 1), потому что туда падали остатки еды и куски хлебного мякиша, с помощью которого ели и обтирали руки. Ведь греки почти не употребляли ложек и вилок, они ели руками пищу, предварительно разрезанную на небольшие куски. В одном ольвийском андроне археологами обнаружены даже канавки, куда стекала вода при мытье пола [Крыжицкий, 1971, с. 57]. После влажной уборки мокрая галечная мозаика в центре андрона блестела особенно ярко и радовала глаз своим узором.

Трапеза начиналась с горячих и холодных растительных, мясных или рыбных блюд. Потом подавался десерт: фрукты, орехи, сыр, а затем начинался собственно симпозион. В присутствии гостей вино, принесенное в большой амфоре (рис. 24) с клеймом производителя (рис. 25), смешивали в больших кратерах с налитой в гидрию (рис. 26) водой и затем черпаком наполняли столовые амфоры (рис. 27), пелики (рис. 28) или ойнохой (рис. 29), а затем разливали в кубки различных форм — килики (рис. 30), скифосы (рис. 31), канфары (рис. 32), ритоны и др. Вино зачерпывали специальными керамическими (рис. 33) или бронзовыми черпаками — киафами (АХБ № 39) и лили через ситечки (рис. 34), поскольку в древности вина имели осадок.

В богатых домах в парадный сервиз входили сосуды из золота, серебра и бронзы (Plut. Alc. 4). Среди редких подобных находок в Северном Причерноморье назовем два серебряных канфара II в. до н. э. (рис. 35), находившиеся в Артюховском кургане недалеко от Фанагории, бронзовые гидрию и ойнохой с серебряными вставками и фигурными украшениями из Пантикапея и Нимфея, бронзовый черпак для вина с ручкой, оканчивающейся двумя лебедиными головками из Нимфея V в. до н. э. и др. (АХБ. № 34, 37, 43). В первые века нашей эры в парадном сервизе появились прозрачные и пестрые стеклянные сосуды: блюда для фруктов, кувшины и ойнохой, разнообразные кубки для вина. Стаканы, снабженные надписями с заздравными пожеланиями или пожеланием одержать победу, могли служить призом на состязании в пении, чтении стихов или в развлекательных играх, устраивавшихся на симпозионе (АГСП. 1984, с. 234-235, табл. 70, 71).

Наиболее распространенной была керамическая посуда. Ее обломки с хорошими росписями ионийских и афинских вазописцев встречаются даже в скромных землянках, в которых первоначально жили колонисты. Бесчисленное количество фрагментов чернолаковой и расписной столовой керамики найдено при раскопках античных городов, а в погребениях сохраняются целые сосуды, дающие возможность почти по каждому обломку узнать всю форму изделия. Поэтому сейчас можно достаточно хорошо представить парадный сервиз для симпосиона, употреблявшийся в любом из исследованных археологами греческом городе.

Аттические мастера любили украшать вазы изображениями симпосиона (рис. 36). Жители Северного Причерноморья приобретали сосуды с таким декором. Древнейшие образцы подобных ваз найдены в Борисфене и Пантикапее. В конце VI в. до н. э. состоятельный боспорянин приобрел такой чернофигурный кратер для смешивания вина на пирах в Пантикапее (рис. 21). На сохранившемся фрагменте представлены пирующие молодые безбородые и зрелые бородатые мужчины, они по двое возлежат на каждом ложе; пирующих развлекает флейтист, а слуга подносит килик с вином. Стены андрона украшены венками с цветами, намеченными белой краской (CVA. T.1. Pl. 25, 2). В Борисфене в парадный сервиз того же времени входила краснофигурная чаша с изображением пирующих юношей (рис. 37), держащих в руках килики, ритон и другие сосуды для питья вина (ББ. № 164). На тему симпосиона расписан краснофигурный кратер первой четверти IV в. до н. э. из Керкинитиды. На нем нарисованы трое мужчин, расположившихся на двух ложах, и развлекающая их гетера; у каждого ложа стоит круглый столик, на который ставили еду и напитки [Кутайсов, 2013, с. 106, рис. 46]. Обломки ваз со сценами симпосиона найдены при раскопках Ольвии (сообщение О. Буравачук).

Хозяин симпосиона зачастую любил похвастаться изысканной посудой. Это можно иллюстрировать на примере двух дорогих ваз с накладными рельефами из некрополя Пантикапея. Их положили в могилу как особо любимые вещи умершего. Эти вазы не были предметами массового аттического производства, которыми торговали по всей Элладе и ее колониям. Интересующие нас гидрия для воды, которой разбавляли вино, и ойнохоя, из которой разливали по кубкам готовый для питья напиток, принадлежат к дорогим изделиям афинских мастеров, делавших такие сосуды по желанию заказчика. Ойнохоя, изготовленная в конце V в. до н. э., относится к серии только что входивших в моду сосудов с раскрашенными накладными рельефами.

Образцом для гончаров послужили драгоценные металлические вазы с рельефным декором. В отличие от таких монохромных металлических изделий краснофигурные вазы с многоцветными рельефами блистали яркими красками и позолотой, что придавало им особую привлекательность. Они были ценными штучными изделиями, и до наших дней уцелело немногим более сотни образцов, обнаруженных в разных частях греческой ойкумены [Zervoudaki, 1968]. В их числе около десятка найдено в некрополях Боспора.

Упомянутая ойнохоя из Змеиногo кургана считается лучшим образцом из известных сейчас ваз конца V в. до н. э. [Корске, 1969, S. 546]. На ней помещены иллюстрации двух мифов, в которых участвуют шесть персонажей, и около трех написаны их имена. В группе, украшающей одну сторону вазы, сидящий полуобнаженный юноша назван Адонисом, а стоящая рядом женщина – Пейто. Афродита и крылатый Эрот легко определяются и без поясняющих надписей. Перед нами иллюстрация мифа о прекрасном юноше Адонисе, которым пленилась Афродита. Ее сын Эрот и постоянная спутница Пейто, богиня убеждения и красноречия, помогают возбудить ответное чувство у Адониса. Изображения Адониса, божества восточного происхождения, впервые появляются на аттических вазах в конце V в. до н. э. (LIMC, Bd. 1, S. 228), так что боспорянин приобрел одну из ранних vaz с этим мифическим персонажем. Образованные эллины знали мифы об Адонисе еще в архаический период; ведь об этом божестве писали поэты Гесиод (фр. 139), Сафо (фр. 23), Паниасис (Apollod. Bibl. III, 14, 4). Сейчас мифы об Адонисе известны из сочинений Аполлодора и Овидия (Apollod. Bibl. III, 14, 4; Ovid. Met. 300- 524; 708- 739), описавших, как юноша стал возлюбленным Афродиты и погиб во время охоты от раны, нанесенной кабаном. Пантикапейский владелец вазы, покупая дорогую ойнохую для своего парадного сервиза, мог знать рассказы об Адонисе по литературным произведениям или по собственным впечатлениям при посещении Афин, когда там в середине лета справляли двухдневный праздник Адониса, умирающего и воскресающего бога (Plut. Alcib. 18; Nic. 13).

На другой стороне вазы находится иллюстрация к эпизоду из троянского цикла мифов. На это указывает надпись Тевкр; так звали брата Аякса, а о подвигах самого Тевкра греки помнили по нескольким упоминаниям в «Илиаде». В сказаниях о конце Троянской войны говорилось, что Аякс перед самоубийством поручил брату позаботиться о своем сыне Эврисаке, которого родила Текмесса, захваченная в плен после падения Трои (Soph. Ai. 569- 576). На ойнохое фигура Тевкра помещена рядом с женщиной, держащей на коленях ребенка. Это Текмесса с младенцем Эврисаком. Во второй половине V в. до н. э. этот второстепенный эпизод из троянских сказаний получил широкую известность среди афинян, благодаря трагедиям Софокла «Аякс» и «Эврисак». Владелец вазы, наверное, как и многие боспоряне в V-IV вв. до н. э., ездил в Афины и посещал театр. Вероятно, он сам приобрел в афинской мастерской дорогую ойнохую с входящим в моду декором и с иллюстрациями мифов, которые на Боспоре знали немногие образованные люди, принадлежавшие, как правило, к состоятельным слоям общества. Разливая вино из красивой ойнохой, хозяин с гордостью обращал внимание гостей на сосуд с редким для того времени декором и объяснял, что на нем изображено.

Большая краснофигурная гидрия IV в. до н. э. украшена иллюстрацией мифа о споре Афины и Посейдона за обладание Аттикой (рис. 26), она относится к редким экземплярам крупных роскошных vaz с рельефами (АП. 1973, № 37; LIMC. Bd. 1. S. 291, № 38; Bd. 2, S. 997. № 453). Сейчас на рельефах уцелели лишь остатки разных

красок и позолоты. Возможно, по желанию боспорского заказчика, изображения споращих богов, стоящих около оливкового дерева, воспроизводят скульптуры Фидия, находившиеся в центре западного фронтона Парфенона. Этот храм, построенный за несколько десятилетий до изготовления гидрии, вызывал всеобщее восхищение. Во время пиров, глядя на вазу, боспоряне вспоминали свое посещение афинского акрополя, а тем, кто там не бывал, рассказывали об удивительном храме и его декоре с изображением кульминационного момента предания о том, как Афина и Посейдон стремились завоевать первенствующее положение в Аттике: богиня дарила оливковое дерево, а Посейдон – соляной источник. Фигурка Ники, летящей к Афине, символизировала ее победу в состязании.

Комната, где проходили симпозионы, освещалась несколькими светильниками. Большинство их было керамическими, с одним или двумя рожками, в которых горел фитиль, смоченный в масле, наполнявшем резервуар светильника. Его верхний щиток часто украшали рельефами. В богатых домах на симпозионе использовали бронзовые светильники. Таков светильник из раскопок Пантикапея; его ручка оканчивается изображением театральной маски (рис. 38).

Перед тем, как начать пить вино, греки повязывали голову лентами (рис. 36) или надевали венки из цветов и душистых растений, умащались благовонными маслами, затем пели хором пеан и совершали возлияния в честь Доброго Гения и других божеств (Plat. Symp. 212 e; Xen. Symp. II, 1; Athen. IV, 2). Надписи на застольных чашах свидетельствуют о том, что в Северном Причерноморье придерживались аналогичных правил. Посвящения Доброму Гению прочерчены на киликах V-IV вв. до н. э. из Ольвии и Пантикапея [Толстой, 1953, № 12, 14, 161]. На других киликах вырезаны надписи застольного содержания: «Наливай пить в меру сил», «Выпив меня, Поликрат будет радоваться», «Наполняй до краев» и др. [Толстой, 1953, № 10- 17].

Третью чашу вина пили за удачу и посвящали ее Зевсу Сотеру, что отразилось в поговорке «третья – Сотеру» [Liddle, Scott., 1968. P. 175]. Это правило, по всей вероятности, соблюдалось и на симпозионах в Северном Причерноморье, о чем свидетельствуют граффити с именем Зевса Сотера на застольных чашах и кратерах из Борисфена, Ольвии и Пантикапея [Толстой, 1953, № 161; Яйленко, 1980, с. 90, 91; Русяева, 1992, с. 57]. Диодор Сицилийский (IV, 3) так объяснял, почему во время питья вина следует взывать к Зевсу Спасителю: «Неразбавленное вино приводит в буйное состояние, а разбавленное зевсовым ливнем сохраняет наслаждение и удовольствие, избавляя в то же время от пагубы, которая исходит от буйства и развязности».

Вино разбавляли водой в различных пропорциях, поэтому его можно было выпить много. Поэтому кубки для вина вмещали большое количество жидкости. Гесиод в поэме «Труды и дни» (ст. 596) рекомендовал пропорцию из трех частей воды на одну часть вина, а вино, разбавленное наполовину водой, считалось очень крепким. Утонченные любители вина пили каждый сорт с определенным количеством воды (Plut. Symp. I, 4; Mor. 620 e). Иногда вино смешивалось с горячей водой (Athen. IV, 4),

но обычно с холодной, а летом – специально охлажденной. Пить цельное вино считалось опасным для жизни. Об этом говорится в эпиграмме Каллимаха (AP. VII, 454):

Пьяницу Эрасискена винные чаши сгубили:

Выпил не смешанным он сразу две чаши вина.

Перевод Ю. Шульца.

По мнению греков, только варвары способны пить неразбавленное вино, но вместо приятной беседы и веселого настроения у них, как, например, у скифов, получалось крикливое пьяное собрание. Такие привычки считались унижительными и губительными. Геродот записал рассказ спартанцев о том, как их царь Клеомен сошел с ума и умер, потому что научился у скифов пить неразбавленное вино. Поэтому, когда спартанцы хотели выпить вина покрепче, они говорили: «Налей по-скифски!» (Her. VI, 84; Athen. X, 29).

Греки считали хорошим тоном пить умеренно, чтобы при возвращении домой не нуждаться в помощи слуги (Theogn. 475- 495; Xenophan. I, 17-18), но это правило зачастую нарушалось (Theogn. 469-470; 479- 484). В «Пире» Платона (223 с, d) некоторые гости, опьянев, заснули тут же за столом. Комедиограф Евбул с наибольшей полнотой отразил отношение греков к тому, сколько следует пить вина: после трех чаш разумному гостю следует удалиться домой, четвертую чашу осушают соревнующиеся в умении пить кубок залпом, после пятой чаши за столом поднимается крик, после шестой чаши гости ударяются в разгул, после седьмой начинают драться, восьмая чаша приводит к тюрьме, девятая к болезни, а после десятой сходят с ума (Athen. II, 36). На симпозионах в Северном Причерноморье устраивались соревнования, о которых говорит Евбул. Это отражено в граффити на застольных чашах: на ольвийском килике прочерчены слова «выпить одним духом», а на кубке из Херсонеса надпись сообщает, что на пиру будет первенствовать тот, кто без перерыва пять раз осушит кубок [Яйленко, 1980, № 92; 1987, № 1491].

Симпосион сопровождался различными беседами, музыкой, пением, играми. Выразителен в этом плане вопрос одного из гостей Агафона: «Неужели мы не будем беседовать за чашей, не петь, а просто пить, как пьют для утоления жажды?» (Plat. Symp. 214 b). Плутарх во вступлении к четвертой книге «Застольных бесед» (Mor. 660 a, b) писал, что «на симпосион разумные люди для того и отправляются, чтобы доставить удовольствие себе и друзьям, вместе с тем приобрести новых друзей. Сотрапезнику подобает приобщиться не только к еде, вину и лакомствам, но и к речам, шуткам и веселью, приводящему к взаимному дружескому расположению».

Беседы на различные темы были излюбленным времяпрепровождением греков. Днем в городе цирюльни и лавки становились центрами встреч имеющих досуг граждан; в них обсуждались различные животрепещущие вопросы (Plut. Nic. 30). Феофраст назвал такие сборища «сухими симпосионами», потому что там не пили вино (Plut. Symp. V, 5; Mor. 679 a). Неспешные и серьезные беседы велись в узком кругу на вечернем застолье. Костяные таблички V в. до н. э. с надписями орфиков свидетельствуют о том, что ольвиополиты задумывались о смысле жизни и смерти,

войны и мира, истины и лжи [Русяева, 1992, с. 16- 17], а в конце I в. н. э. посетивший Ольвию оратор Дион Хрисостом (XXXVI, 16, 24) встретил людей, читавших Платона, и собрал большую аудиторию, слушавшую его рассуждения о наилучшем управлении государством. Но гораздо чаще на симпозионах речь шла о житейских делах: судебных тяжбах, которые касались участников или о которых говорил весь город, о ценах, о войнах и т. п. Многие сотрапезники хотели отвлечься от тяжелых повседневных забот, предаваясь легким разговорам о любви за чашей вина, о чем в своих стихах распевал на пирах Анакреонт (AP. IV, 9):

Мил мне не тот, кто, пируя, за полною чашею речи
Только о тяжбах ведет да о прискорбной войне;
Мил мне, кто, Муз и Киприды благие дары сочетая,
Правилом ставит себе быть веселей на пиру.

Перевод Л. Блуменау.

Питье вина часто перемежалось пением стихов лирических поэтов, арий из театральных пьес и застольных песен, и это тоже отразилось в творчестве Анакреонта, автора многих песен, исполнявшихся на симпозионах.

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик, резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно;
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Перевод А.С. Пушкина.

Застольные песни назывались сколиями; поющий держал в руке ветвь и передавал ее другому сотрапезнику по своему выбору, а тот либо оканчивал песню, либо запевал другую и передавал ветвь следующему. Аристофан в «Осах» (ст. 1225-1245), описывая симпозион, привел начальные стихи популярных в его время сколиев. Наверное, на пирах в городах Северного Причерноморья наряду с местными песнями пели сколии и стихи поэтов из разных городов, а также популярные во всей Элладе арии из пьес афинских драматургов. Ведь сюда прибывали корабли с товарами из многих греческих государств, а на симпозион эллины любили пригласить приезжих, чтобы послушать новости. Плутарх в биографии афинского стратега Никия (гл. 29) рассказал о том, сколь хорошо афинские моряки запоминали много стихов и мелодий из популярных пьес и как их любили узнавать в разных городах.

Гости на симпозионе нередко читали стихи, а лучшим исполнителям иногда вручали призы. В IV в. до н. э. таким призом на пиру в Пантикапее стала чернолаковая солонка, на которой острым предметом сразу же прочертили, что победа досталась Гигиенту и Патайку (рис. 39). Скорее всего, они состязались в чтении отрывков из

эпоса [Блаватский, 1964, с. 93.], но это могло быть и иное соревнование, например, в популярных на симпозионах отгадываниях загадок или в играх в коттаб.

Иногда на симпозион звали шутов и актеров. Первые развлекали общество остроумными высказываниями и анекдотами, вторые разыгрывали небольшие сцены, а порой даже целое представление, описанное Ксенофонтом (Symp. I, 13). Об участии актера-мима в пирушке, устроенной в середине VI в. до н. э. в Борисфене, известно по надписи на поддоне чернофигурной чаши для вина, принадлежавшей некоей Мелесии, по-видимому, гетере [Яйленко, 1982, с. 302-303].

Для симпозиона на рынке можно было нанять поваров и музыкантов. Редкий пир обходился без хотя бы одного музыканта, чаще всего флейтистки (Plut. Mor 643 b), недаром ее часто изображают у ложа пирующих (рис. 36). В русском переводе женщину, игравшую на аулосе, принято называть флейтисткой, хотя звук этого духового инструмента был ближе всего к современному гобою. Среди струнных инструментов на симпозионе чаще всего звучала лира, на которой учились играть в школе, так что и сами пирующие могли аккомпанировать застольным песням. Кроме того, в эллинистический период наряду с флейтистками стали приглашать псалтрий, игравших на тригоне, прототипе современной арфы (рис. 40). Их изображения известны по терракотам, найденным в Пантикапее [Блаватский, 1964, рис. 42; ММ. № 114]. О профессиональных музыкантах на Боспоре свидетельствует эпитафия флейтистки (*αὐλητρίς*) Пассафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э. (КБН. 875). Отсутствие патронимика на ее надгробии указывает, что она не принадлежала к гражданскому населению; это не случайно, так как женам и дочерям граждан нельзя было заниматься такой деятельностью.

Иногда музыкантов посылали в гинекей развлечь женщин. Так, поэт Агафон позвал, как положено, на свой пир флейтистку, но ее отправили в гинекей, когда гости единодушно решили посвятить все время философской беседе (Plat. Symp. 176 e). Женщинам посылали также блюда, которые подавали на первой и второй перемене столов, но содержимое третьих им не полагалось. Как пишет Элиан в «Пестрых рассказах» (II, 41), женщина, «склонная к вину, а тем более, много пьющая, была отвратительна». В классический период в Милете и Массилии существовал закон, запрещавший женщинам пить, и они его строго придерживались (Ael. Var. Hist. II, 38). Возможно, такие же правила действовали в милетских колониях Северного Причерноморья. Однако подобные установления нигде не касались гетер, принимавших участие в симпозионе, поэтому их изображали с чашей для вина в руках (рис. 36). В V в. до н. э. такой гетерой была Анагора; на одном ольвийском симпозионе ей поднесли наполненный вином кратер и написали на нем ее имя [Толстой, 1953, № 13].

Пирующие любили смотреть на танцы, которые нередко сопровождалась акробатическими номерами. В «Пире» Ксенофонта танцовщица исполнила один танец на гончарном круге, другой среди воткнутых в землю кинжалов, третий — подбрасывая в такт музыке одновременно 12 обручей. Иногда и сами гости пускались танцевать (Her. VII, 129; Plat. Symp. 16-20).

Участники симпозиона развлекались всевозможными играми, чаще всего в коттаб. В углубленном сосуде с водой плавали пустые чашечки, в них надо было попасть остатками вина из своего кубка, чтобы чашечка погрузилась в воду. Существовали и другие варианты этой игры, но задача всегда состояла в том, чтобы метко выплеснутым вином заставить другой сосуд принять определенное положение [Sparkes, 1960, p. 202].

Такое развлечение во время симпозиона в Ольвии упомянуто во фривольном граффито на чернолаковом скифосе рубежа VI-V вв. до н. э. [Граков, 1968, с. 115, рис. 4]. Там сообщается, что призом за удачную игру в коттаб была близость с юношей Гефестодором, получавшим за это определенную плату. Надпись свидетельствует о гомосексуальных отношениях в среде ольвиополитов. В конце I в. н. э. это подтвердил Дион Хрисостом (XXXVI, 6), писавший, что любовь к юношам в Ольвии унаследована из ее метрополии Милета. Впрочем, подобные отношения вообще характерны для эллинов, о чем имеется множество упоминаний в античной литературе, начиная с мегарского поэта Феогнида, посвятившего в VI в. до н. э. Кирну свои знаменитые элегии.

Возвращаясь с симпозиона домой, гости продолжали пританцовывать и петь песни под аккомпанемент лиры или аулоса. Такую веселую процессию нередко рисовали аттические вазописцы на различных сосудах, предназначавшихся для вина. Чернофигурный килик с подобной росписью найден в Ольвии [Горбунова, 1983, с. 152]. На нем представлены идущие с пирушки четверо мужчин и одна женщина; один молодой человек играет на аулосе, другой заигрывает с гетерой, держащей в руках лиру (рис. 30).

В архаический период симпозионы устраивались в аристократических домах, но позже они стали распространенной формой организации досуга более или менее состоятельных граждан [Свенцицкая, 1999, с. 54]. Домашние застолья служили отдыхом и развлечениями, определявшимися интеллектуальным уровнем и настроением собравшихся. У одних преобладали дружеские беседы, у других игры и песни, у третьих гетеры и выступления танцовщиц, мимов и фокусников, но все это сопровождалось питьем вина. Конечно, состоятельные люди имели возможность чаще, чем более бедные сограждане, заполнять свой досуг таким образом. Порядок совместной трапезы в основных чертах сохранялся в течение многих веков. Изменения касались способов приготовления разных блюд, менялась мода на застольные песни и мелодии, и, конечно, беседы затрагивали все новые животрепещущие темы современности.

Совместные трапезы членов религиозных сообществ

Небольшие объединения частного характера или, как их теперь называют, микрогруппы, составляли на протяжении всей античности важную особенность общественной и частной жизни любого греческого полиса [Свенцицкая, 1985, с. 43; Кнабе, 1987, с. 164- 181]. Особенно возросла их роль в эпоху эллинизма [Устинова, 1988, с. 215]. Совместные трапезы стали излюбленной формой общения греков из

разных слоев населения, объединявшихся во всевозможные союзы: культовые, погребальные, землячества соотечественников, живущих в чужом полисе, союзы взаимопомощи. Наиболее древними были культовые ассоциации, члены которых поклонялись не общегосударственным божествам. В число основных ритуалов почитания божества входила совместная трапеза, на которой бог считался хозяином или гостем, получавшим в качестве дара свою долю жертвы. Наряду с ритуальной стороной, трапеза членов союза оказалась в значительной степени поводом для веселого времяпровождения [Устинова, 1988, с. 197].

В эпоху эллинизма, когда многие граждане отстранились от общественной деятельности и целиком ушли в частную жизнь, появилась потребность принадлежать к некому объединению, отличному от семьи. В результате возникло много новых различных сообществ, называемых фиасами, и общей чертой большинства из них были совместные застолья в домах членов сообщества или в нанятом помещении [Свенцицкая, 1985, с. 45; Устинова, 1988, с. 198, 208]. Древнейшие сведения о таких сообществах в Северном Причерноморье относятся к Ольвии. Это известные по надписям аристократические союзы мольпов и нумениастов, а также фиас почитателей Диониса, упомянутый в новелле о Скиле у Геродота (IV, 78); видимо, сюда же следует отнести орфические сообщества V-II вв. до н. э., тесно связанные с культом Диониса [Русяева, 1992, с. 193-200]. Ольвийский союз мольпов, известный по эпиграфическим источникам V в. до н. э., продолжил традиции своей метрополии. Судя по надписям, милетские мольпы имели общественную кассу и свой дом, в котором проходили симпозионы. Для них все члены союза, кроме специально освобожденных, предоставляли продукты, доставка которых входила в обязанности младших членов. Структура, функции и совместные трапезы ольвийской коллегии мольпов, вероятно, были аналогичными [Карышковский, 1984, с. 44].

Различные фиасы, появившиеся у греков в Северном Причерноморье, особенно широко распространились в римский период на Боспоре [Гайдукевич, 1949, с. 432-438]. Благодаря надписям нам известно множество имен руководителей и рядовых членов фиасов, объединявших граждан Херсонеса (IOSPE I². 425), Пантикапея (КБН. 75-108), Мирмекия (КБН. 870), Илурата (КБН. 967), Фанагории (КБН. 987-988), Гермонассы (КБН. 1054, 1055), Горгишпии (КБН. 1129-1136) и Танаиса (КБН. 1259-1292). Фиас возглавляла руководящая коллегия из нескольких человек. В обязанности одного из них, называвшегося синагогом, входила организация общих трапез.

Царские пиры на Боспоре и официальные приемы в Ольвии

Эллины считали большой честью быть приглашенными на пир, устроенный в демократических полисах за государственный счет в общественном здании, или на симпозион во дворце монарха. Среди античных государств Северного Причерноморья только Боспор находился под властью царей, а им стали присущи привычки государей эллинистического и римского времени. У таких властителей пиры стали неотъемлемым элементом их быта. На обычный, проходивший почти ежедневно

симпосион царь звал лишь своих приближенных; застолье венчало дневной распорядок дня царя и его окружения; в беседах подводился итог текущих событий, так что симпосион частично оказывался продолжением управленческой деятельности царя и его окружения. На таких вечерних застольях присутствовали жившие при дворе философы, поэты и музыканты, общество которых делало пир интересным и содержательным. Таким образом, симпосион выполнял функцию организации досуга и развлечения царской семьи и ее приближенных. Реже устраивались особо пышные пиры для множества гостей, среди которых бывали иностранные послы и богатые купцы из других государств. Такие пиршества организовывали состоявшие при царском дворе опытные распорядители [Климов, 2013, с. 237- 250].

О пирах во дворцах боспорских царей мне известно лишь одно упоминание в античной литературе. Это сочинение Лукиана «Токсарис или о дружбе», написанное во II в. до н.э.; в нем автор использовал какие-то произведения эпохи позднего эллинизма [Ростовцев, 1925, с. 108]. Лукиан не стремился к серьезному историческому исследованию, поэтому в этом произведении есть масса несообразностей и сведенных вместе разновременных сведений. Но некоторые сообщения заслуживают доверия. К ним, на мой взгляд, относится упоминание о боспорском обычае свататься нескольким женихам к дочери хозяина во время симпосиона и при этом состязаться в доказательстве, кто из них наиболее достоин руки невесты. Можно поверить сведениям Лукиана о том, что боспорские цари могли пригласить на свои пиры властителей местных племен, особенно когда Боспор испытывал затруднения в общении с соседями, а те были заинтересованы в династических браках с царскими дочерьми. Такая возможность подтверждается рассказом Аппиана о Митридате: боспорский царь пообещал отдать в жены своих дочерей скифским вождям, если они предоставят в его распоряжение свои войска, необходимые для шедшей тогда войны (App. Mithr. 101).

Все прочие интересующие нас сведения о царских пирах на Боспоре можно извлечь лишь из косвенных данных. К ним относится фундамент большого андрона на акрополе Пантикапея. Если андрон в богатом доме Ольвии обычно имел площадь около 30 кв. м. [Леви, 1985, с. 43, 59], то боспорский был гораздо больше - 47,5 кв. м. По мнению ученых, здесь в конце V-IV вв. до н. э. устраивали свои приемы первые боспорские цари из династии Спартокидов [Толстикова, 2001, с. 75-78]. Имеются литературные и археологические свидетельства о дворцах боспорских царей IV в. до н. э., в которых они устраивали свои пиры. Полиен (VI, 2) в серии рассказов о царе Левконе упомянул его дворец. Раскопки на акрополе Пантикапея показывают, что в последней четверти IV в. до н. э. был сооружен новый дворцовый комплекс построек [Толстикова, 1992, с. 93].

В IV в. до н. э., когда политические, экономические и культурные связи Боспора с Афинами были особенно тесными, образцом для подобных пиршеств могли служить приемы в афинском пританейоне. Там в 346 г до н. э. чествовали боспорских послов Сосия и Феодосия, которые сообщили, что вступившие на престол цари Спарток и

Перисад, как и их отец, будут проводить ту же дружественную политику в отношении Афин (МИС. 3). Боспоряне безусловно подробно рассказывали у себя на родине об этом тожественном приеме с угощением.

На пирах боспорских царей звучала музыка в исполнении профессиональных музыкантов. При дворе царя Перисада во второй половине IV в. до н. э. долгое время жил известный во всей Элладе певец Стратоник, певший под аккомпанемент кифары; когда музыкант собрался вернуться на родину, царь не хотел его отпускать (Athen. VIII, 41. 349 d). Косвенным подтверждением любви царя Митридата к музыке на симпозионе служит упоминание Плутарха о том, как на пиру он увлекся музыкантшей Стратоникой и сделал ее своей наложницей (Plut. Rompr. 36).

Развлечения на царских симпозионах иногда бывали довольно грубыми, они сопровождалась неумеренным употреблением вина и в результате этого недостойным поведением некоторых гостей. Известно, что царь Митридат Евпатор любил во время симпозиона устраивать состязания гостей в способности больше всех съесть той или иной пищи, либо выпить наибольшее количество кубков вина (Plut. Diatr. I, 6; 2 a-b).

В демократических полисах давали торжественные приемы за счет государства или храмовой казны. В Афинах они проходили в пританейоне, а на Крите при храме Аполлона Дельфиния. Афиней (IV, 22; 143с), ссылаясь на критского историка Досиада, рассказал о симпозионах в Кноссе в период раннего эллинизма. Туда приглашали местных граждан и иностранцев, которые обсуждали политические и военные дела, а в конце обеда чествовали гостей, оказавших услуги государству.

Эти данные можно сопоставить с сообщениями трех надписей о торжественных симпозионах в Ольвии (НО. 29, 35, 36). Их устраивали при храме Аполлона Дельфиния, верховного божества государства. Иногда это были грандиозные пиры; об этом свидетельствуют слова декрета в честь херсонеситов Аполлодора, Аполлония и Евфрона, которые оказывали Ольвии крупные финансовые услуги. Для устройства пиршества в их честь назначили целых трех организаторов (НО. 29).

Развлекательные и азартные игры

Различные игры являются элементом культуры всех народов [Хейзинга, 1997]. О разнообразных играх древних греков известно по изображениям, по описаниям в античной литературе и по уцелевшим изделиям, предназначенным для игр. Наиболее подробно об играх написано в «Ономастиконе» Поллукса; в этом предметном словаре II в. н. э. названо около полусотни античных развлекательных игр. Сопоставляя письменные известия с археологическими находками, можно узнать о многообразии игровых развлечений, которыми заполняли свой досуг жители государств на северных берегах Понта.

Игры в кости, развивавшие ловкость и глазомер, были широко распространены в античности. Их можно разделить на два вида: в одних успех полностью зависел от случая, в других выигрыш доставался опытным игрокам, обладавшим определенным интеллектом [Kurke, 1999, p. 247- 267]. Для игры брали кубики, грани

которых имели знаки в виде кружка от одного до шести на каждой стороне, но чаще использовали астрагалы, называемые по-русски бабками; так именовались имеющие удобную для игры форму кости суставов лошадей, быков и коров, коз и овец. Большое количество астрагалов найдено на городищах и некрополях Северного Причерноморья; древнейшие относятся к архаическому времени (рис. 41). Кубики археологи находят значительно реже [Петерс, 1986, с. 79- 84, табл. 16, 17, 19].

Игру в кости любили в античности все: взрослые мужчины, женщины (рис. 42) и дети. Для одних это было просто развлечением, для других азартной игрой со ставками на деньги или на вкусное угощение, либо на оплату за услуги продажной женщины (Plut. Rom. Qaest. 35; Mor. 272 f). Из произведений древних авторов известно несколько разновидностей подобных игр. Например, в игре πεντέλιτοι (пять камушков) пять небольших астрагалов клали на тыльную сторону кисти, подбрасывали их вверх и старались поймать в ладонь. Название игры указывает на возможность использования мелких камушков.

Большой популярностью в древности пользовалась игра τρόβλι. Астрагалы бросали в середину нарисованного на земле круга или в специально вырытое углубление. Большим астрагалом игрок выбивал разложенные в определенном порядке бабки противника и получал в награду те, которые ему удалось выбить. В азартных играх бросали астрагалы и начисляли очки в зависимости от того, как они ложились. Каждая сторона бабки имела свою «цену»: широкая выпуклая давала 3 очка, широкая вогнутая оценивалось 4 очками, узкая углубленная соответствовала 1 очку, а узкая плоская – 6 очкам. Короткие боковые стороны не учитывались, так как астрагал очень редко удерживался в таком положении. В подобной игре с использованием четырех астрагалов очки могли выпасть в 35 разных комбинациях. Самым удачным считался удар, при котором каждый астрагал выпадал на разные стороны, менее всего ценилось положение, когда все бабки падали на узкую ровную сторону [Велишский, 1878, с. 256- 257].

Игра в кости для развлечения в античности считалась подходящей для любого человека, азартные же игры всегда осуждались. Плутарх (Mor. De fort. Alex. 11, 6; Mor. 338 d) упомянул, что Александр Македонский, болея лихорадкой, развлекался игрой в кости, но он же наказал штрафом тех своих приближенных, которые всерьез увлекались такими играми. Его современник боспорский царь Левкон I лишал жалования своих солдат, которые влезали в долги, играя на деньги в кости (Aen. Tact. De obs. tol. 5, 2).

Об играх в кости в античных государствах Северного Причерноморья свидетельствуют находки множества астрагалов; на многих имеются прочерченные отдельные буквы, на одном ольвийском сохранилась надпись "бей", многие имеют высверленные отверстия, следы специальных спилов или вставки из металла [Петерс, 1986, с. 81- 83]. Это указывает на их использование в разных играх. Нередко бабки клали в могилы детей и юношей, и количество костей соответствовало требованию для определенных игр. Например, в одном ольвийском погребении лежало 16 астрагалов, в другом - 5, в третьем – один, а в нескольких боспорских могилах обнаружено по несколько десятков астрагалов. Вероятно, в некоторых играх действовали двумя

руками, поскольку в погребениях астрагалы находят лежащими одновременно у обеих рук [Петерс, 1986, 79-80].

Т.В. Блаватская (1959) внимательно изучила находки игральных костей в некрополе Пантикапея. Сопоставив их с описаниями игр в античной литературе, она пришла к выводу, что различное количество астрагалов указывает на то, что боспоряне увлекались играми, называвшимися в древности тропа, пенталита и астрагалисмос.

Менее распространенной была игра кибея, для которой использовали костяные, металлические или глиняные кубики. На их шести сторонах стояли либо цифры от 1 до 6, либо кружочки с тем же значением, обозначавшие очки. Игроки помещали кубики в специальный стакан, встряхивали его для перемешивания содержимого, затем высыпали на ровную поверхность и считали выпавшие очки на сторонах кубика. Выигрывал набравший наибольшее количество очков или выбросивший кубики так, что у каждого было разное количество очков. Иногда для подобных игр пользовались фишками других форм; такова, например, найденная в Пантикапее костяная пирамидка с вырезанными на ней глазками [Петерс, 1986, с. 90, рис. 56].

Шашками принято называть небольшие округлые фишки, которые греки использовали с глубокой древности для разных игр. В одной из поэм Троянского цикла рассказывалось, как за подобной игрой проводили свой досуг Ахилл и Аякс. Вазописцы неоднократно иллюстрировали этот эпизод из не уцелевшей до наших дней эпической поэмы [Boardman, 1995, p. 231; Химин, 2009]. Лучшей в этой серии считается амфора, расписанная Эксекием в третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 43). Известные сейчас античные шашки чаще всего сделаны из кости и стекла. Они были круглыми, гладкими с обеих сторон или с рельефным изображением с одной стороны. Древнейшая из известных в Северном Причерноморье шашек относится к IV в. до н.э. Она найдена в Мирмекии, шашки более позднего времени обнаружены в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре [Петерс, 1986, с. 86; Стрельник, Хомчик, Сорокина, 2009, с. 34- 49]. Для игры использовали специально расчерченную деревянную или каменную доску. Такая каменная доска римского времени найдена в Ольвии [Стрельник, Сорокина, Хомчик, 2010, с. 50].

В первые века нашей эры получили распространение шашки с рельефами, изображавшими императоров, атлетов, богов, героев, а также венков, фруктов и др. Деревянная шкатулка с пятнадцатью костяными фишками дает представление о наборе для определенной игры в Пантикапее во II в. н. э. Эта находка в детском погребении подробно описана в статье М.И. Ростовцева (1904). Лицевая сторона каждой круглой шашки украшена рельефным изображением, а на обратной плоской стороне у многих написаны имена изображенных богов, героев и людей. В этом наборе имелись профили богов Зевса, Геры, Кроноса, Гермеса, Афродиты, Хроноса, Исиды, героев Геракла, Кастора и Полидевка, императора Августа, его внука Луция Цезаря и женщины из императорской семьи, а также венок победителя на спортивном агоне и храм в Элевсине (рис. 44). Вероятно, в зависимости от изображения в игре определялась роль каждого кружка, а в разных играх использовалось их разное количество [Блаватская, 1959, с. 75].

Шашки хранили в шкатулках или в небольших сосудах; иногда их нанизывали на веревочку, о чем свидетельствуют отверстия, просверленные в некоторых экземплярах. Такова пантикапейская шашка с головой атлета или кулачного бойца Харриса, имя которого написано на гладкой стороне шашки [Ростовцев, 1904, с.115- 116, рис. 1].

Комтаб – игра, которой греки развлекались во время застолья с гостями, описана в разделе о симпозионе. Упоминание о ней в одном ольвийском граффито представляет один из весьма редких примеров письменного свидетельства о развлекательных играх в Северном Причерноморье [Граков, 1968, с. 115].

Бои петухов, перепелов и куропаток принадлежали к азартным играм, во время которых греки делали ставки на ту или иную птицу. Находки костей этих птиц дают основание думать, что в греческих городах Северного Причерноморья проводились бои специально обученных птиц. Греки дрессировали для боев разных птиц, чаще всего петухов, реже перепелов и куропаток (Ael. De nat. anim. IV, 1; Plin. NH. XXII, 65). Кроме того, ручных куропаток использовали на охоте для приманивания диких птиц (Aristot. Hist. anim. IX, 9, 4; Babr. Fab. 124, 4; Athen. 389 c; Plin. NH X, 101). Поэтому перепел и куропатка наряду с петухом считались хорошим подарком любимому молодому человеку (Aristoph. Av. 705). По-видимому, дрессированные куропатки и перепел изображены на бронзовом перстне и краснофигурной вазе из Пантикапея [Скржинская, 2010 а., с. 131, № 255, 256].

Другие памятники изобразительного искусства иллюстрируют петушинные бои и косвенно подтверждают интерес к ним в Северном Причерноморье. По всей вероятности, состоятельный боспорянин, любитель петушинных боев, приобрел вырезанную хорошим мастером в V-IV вв. до н. э. яшмовую инталию [Неверов, 1976, № 32] с изображением юноши и петуха бойцовой породы (рис. 45). Другой боспорянин, живший в IV в. до н. э. в Горгиппии, имел оправленную в золото сердоликовую печать со сценой готовящихся к бою двух петухов [рис. 46; Неверов, 1976, № 44 d]. Аналогичные сцены украшают костяную пластинку из Ольвии и две вазы архаического времени, найденные на Боспоре [Скржинская, 2010 а, с. 150-151, № 141, 142].

К сожалению, о множестве других игр, популярных у греков, в Северном Причерноморье не уцелело ни письменных, ни материальных свидетельств. Например, в игре чет и нечет один игрок зажимал в кулаке четное или нечетное число монет или других предметов, а другой угадывал, что находится в руке противника. К весьма популярным забавам относились разнообразные игры в мяч; в некоторых гимнасиях нанимали даже учителя таких игр (σφαίραστικός).

Охота

Подобно другим эллинам, жители колоний Северного Причерноморья любили охотиться, о чем свидетельствуют находки костей диких животных. Эллы рассматривали охоту как захватывающее увлечение и считали ее важным занятием для подготовки мужчины к его деятельности воина [Barringer, 2001]; об этом писали

Платон в «Законах» (VII, 823 с), Ксенофонт в «Киропедии» (I, 2, 10) и Аристотель в «Политике» (I, 3, 8; 1256 b). Охоту приравнивали также к гимнастическим упражнениям, потому что в обоих случаях требовалось проявлять ловкость и смекалку [Sansone, 1918, p. 107- 115. Webster, 1969, p. 32.] Охота как промысел для добычи пищи и шкур животных никогда не играла у греков заметной роли. Это подтверждается незначительным процентом костей диких животных среди остеологических остатков, найденных при раскопках античных государств Северного Причерноморья [Цалкин, 1960, с. 7- 107; Журавлев, 1982, с. 80- 85]. Здесь греки охотились на зайцев, кабанов, оленей и некоторых других млекопитающих, а также на птиц: уток, гусей, перепелов и куропаток [Воинственский, 1958, с. 156- 158; Цалкин, 1960; Добровольская, 2013, с. 133-134]. Мясо этих животных могли употреблять в пищу, а изображения многих из них встречаются на памятниках искусства.

Во время охоты греки стреляли из лука, либо убивали добычу копьями или дротиками, а также использовали лошадей и специально обученных собак. Их многочисленные кости в слоях всех поселений указывают на то, что в Северном Причерноморье могли устраивать псовую и конную охоту. На это косвенно указывают многочисленные изображения на привозных вазах; ведь сюжеты росписей выбирали покупатели. Сцены охоты собаки на зайца известны в Северном Причерноморье с VI в. до н. э.; они украшали расписные вазы, мегарские чашки и терракотовые статуэтки [Скржинская, 2010 а, с. 109]. Возможно, в этих сценах заложен также символический смысл: заяц воплощает земную жизнь человека, а собака его смерть. В то же время охотничьи сюжеты вызывали ассоциации как с реальной охотой, так и с ее литературными описаниями. Жители Северного Причерноморья могли вспомнить, например, стихи из «Илиады», знакомой со школьных лет каждому эллину. Там Гомер, рассказывая, как Одиссей и Диомед пустились в погоню за троянцем Долоном, сравнил их с острозубыми псами, упорно преследующими серну или зайца (II. X, 359- 364).

Охота была любимым развлечением многих царей и их придворных [Климов, 2013, с. 297]. Митридат Евпатор, царь Понта и Боспора, посвящал немало времени этому занятию (Justin. XXXVII, 2, 7- 9). Охотой занимались в основном достаточно состоятельные люди, потому что они располагали досугом и возможностью держать охотничьих собак, которые тогда были необходимой принадлежностью охотника. Недаром греческие существительное *κυνηγός* (охотник) и глагол *κυνηγέτω* (охотиться) образованы от слова собака — *κύων*. И не случайно две собаки участвуют в самой развернутой сцене охоты из сохранившихся на памятниках искусства из Северного Причерноморья.

Афинский мастер Ксенофант, скорее всего по заказу боспорянина, сделал в 80-е годы IV в. до н. э. дорогой лекиф с рельефными фигурами, которые были раскрашены и в некоторых местах позолочены [Виноградов, 2007, с. 10- 31]. Многофигурная композиция представляет охоту на лань, кабана и двух грифонов (рис. 47). По-видимому, это иллюстрация к утраченному литературному произведению о сказочной

охоте на мифических зверей, в которой приняли участие восточные и греческие герои (об их национальной принадлежности свидетельствуют написанные на вазе имена). Однако, образцом для художника служила реальная охота: в центре картины Абраком, стоя на колеснице со скачущей парой коней, поражает кабана копьем, и всадник Дарий копьем убивает лань; слева охотник удерживает на поводке рвущуюся к добыче собаку, а справа собака вспрыгнула на спину кабана и вгрызается ему в шею. Изготавливая лекиф меньших размеров, Ксенофант взял три формы из фигур, использованных на большом лекифе, и среди них охотника с собакой (рис. 48). Эта ваза также была отправлена в Пантикапей, и ее декор без фантастических существ рассматривался как изображение реальной охоты [Скржинская, 1999, с. 121-130].

Фрески на стенах царского склепа I в. н. э. (АДЖ. табл. 89- 91) можно привлечь в качестве свидетельства об охоте на Боспоре. Живописец нарисовал участников представления, во время которого на глазах у публики проходила травля диких зверей. Это зрелище предшествовало гладиаторским играм. В схватки со зверями вступали конные и пешие мужчины. На фреске, как и на многих других местных боспорских памятниках изобразительного искусства, всадники одеты в перетянутый поясом длинный до колен хитон и узкие обтягивающие штаны, а на ногах у них небольшие кожаные сапожки. Видимо, не случайно изображения этих фигур отличаются особой реалистичностью [Горончаровский, 2009, с. 218]. Можно предположить, что живописец видел местных охотников, и некоторые из них соглашались за деньги принять участие в кровавых зрелищах, как это бывало в других городах. Среди зверей, с которыми им приходилось вступать в схватку, были изображенные на стенах склепа медведь и кабан, на которых боспоряне охотились в окрестных лесах.

Посещение агоры и порта

В дневное время многие жители любого античного города, имея свободное время, отправлялись на центральную площадь, агору, или в порт. Они шли туда не только по делам в находившиеся там общественные здания и лавки, но также для общения и узнавания последних новостей, которыми делились в цирюльнях, всевозможных мастерских и магазинах. Здесь встречались представители всех слоев общества: граждане и метеки, рабы, сопровождавшие хозяев или посланные за покупками, и чужестранцы – матросы с кораблей и купцы, привозившие свои товары. Неделовая жизнь агоры хорошо отражена в одной из речей Лисия (XXIV, 20): "Каждый из нас привык заходить то в парфюмерную лавку, то в цирюльню, то в сапожную,... Более всего к тем, кто устроился поблизости агоры,... ведь все вы привыкли заходить и болтать, где придется".

В городах Северного Причерноморья археологам удалось раскрыть только ольвийскую агору и определить места, где располагались центральные площади пантикапея и Херсонеса, которые сейчас из-за современных построек невозможно исследовать. Благодаря ольвийским раскопкам можно представить деловую жизнь на центральной площади, находившейся в верхней части города, а также узнать, как

ольвиополиты проводили там свой досуг в большом кругу соотечественников (рис. 49). Площадь эллинистического времени, имевшая не совсем правильную прямоугольную форму, в период наивысшего расцвета Ольвии занимала около 3500 кв. м. Первоначально она была примерно на треть меньше, а в IV - начале III вв. до н.э. агору расширили за счет прилегавшего к ней священного участка и перестроили все находившиеся там здания. С восточной и западной стороны агору обрамляли торговые ряды, украшенные по фасаду колоннадой. На западной стороне, кроме торговых рядов, помещались также суд, жилой дом и здание общественного назначения. Наряду со зданием коллегий, на южную сторону агоры выходил своей узкой стороной гимнасий [Леви, 1985, с. 88- 113].

Всю северную сторону занимала стоя - крытая галерея с колоннадой. Она составляла архитектурную доминанту ольвийской агоры. Такие здания впервые появились в Элладе и стали необходимой принадлежностью любого города. Посещение стои вошло в число обязательных элементов греческого образа жизни [Coulton, 1976, p. 1]. Стои строились на площадях и теменосах; в крупных городах, таких, как Милет и Афины, имелось несколько подобных сооружений. Римляне переняли у греков этот тип постройки и назвали его портиком. В стое, где можно было укрыться от дождя, палящего солнца и ветра, назначались всевозможные деловые и частные встречи, обсуждались городские и другие животрепещущие новости. В стоях поэты читали стихи, а философы излагали ученикам свои учения. Наименование одного философского течения получило название стоицизм, ибо его основатель Зенон в конце IV в. до н. э. встречался со своими учениками в афинской Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота и Микона. Географическая карта мира, составленная под руководством Агриппы, украшала в Риме специально построенный для нее портик, где каждый мог увидеть чертеж всего известного римлянам мира.

Большая ольвийская стоя, несомненно, играла заметную роль в жизни горожан (рис. 50). Открытая в сторону агоры, она имела двухрядную колоннаду длиной 45 м. Ее два нефа разделялись колоннами ионического ордера, а наружные колонны дорического ордера стояли вдвое чаще, чем внутренние. Подобные двухнефные стои открыты при раскопках в Афинах, Коринфе, Фасосе, Самофракии и других греческих городах [Coulton, 1976, p. 58-59, 194-195]. Витрувий в сочинении "Об архитектуре" (V, 9, 11), описывая двойные портики в палестрах, заметил, что их так строили, "чтобы во время непогоды ливень не мог проникнуть внутрь". Это вполне оправдывало себя в Ольвии, где весной и осенью часто льют сильные дожди и дуют пронизывающие ветры. В эллинистический период в ольвийской стое собиралось столь много народа, что пришлось увеличить ее ширину, так что площадь здания составила 743 кв. метра [Леви, 1985, с. 90].

Многие эллины посещали суд из любопытства узнать о тяжбах своих знакомых, кроме того, все греки любили послушать хорошо произнесенные речи, а истец и ответчик тщательно готовили свои выступления, так как от этого зависело решение суда. Поэтому можно говорить, что посещение суда в Северном Причерноморье

было также одной из форм проведения досуга. В качестве иллюстрации приведем описанные Либанием разговоры на агоре: «На площадь я хожу не больно часто, чтобы не слышать всех этих судебных словечек «речь, доводы, ответ, приговор, иск, отвод», о чем любят говорить все, кому делать нечего» (Lib. Dec. 26, 6. перевод М.Е. Грабарь- Пассек).

Упомянутые здания на ольвийской агоре могли посещать все обитатели города и приезжие; исключение составлял лишь гимнасий. Его двери открывались лишь для полноправных граждан, потому что только для них предусматривались общественные траты на содержание этого здания, закупку масла для натирания при атлетических упражнениях и на оплату тренеров, а богатые ольвиополиты вносили пожертвования на масло и ремонт гимнасия для того, чтобы там тренировались граждане и их сыновья.

В первые века нашей эры размеры Ольвии намного сократились, агора оказалась вне границ города, а ее постройки стали руинами. Но ольвиополиты сохранили традицию общаться в общественных зданиях. Об этом мы узнаем из надписей I-II вв. н.э. о постройке портика и экседры, крытой галереи с сидениями (IOSPE I². 181, 182). Вероятно, они стояли близ агоры, которая переместилась в прибрежную часть Ольвии. Теперь эта территория затоплена и разрушена водами Днепро-Бугского лимана, поэтому вряд ли удастся найти остатки упомянутых строений.

Все греческие более или менее крупные города в Северном Причерноморье имели хорошо обустроенные порты, во многих разделялись гавани для торговых и военных кораблей (рис. 51). Торговая гавань упомянута в одной ольвийской надписи (IOSPE I². 79). Демосфен в речи «Против Лептина» (Dem. XX, 33) говорил, что недавно построенный новый порт в Феодосии, по мнению моряков, не уступает столичному пантикапейскому. В гавани Тиры, Ольвии, Херсонеса и Боспора входили суда из большинства государств Причерноморья и восточного Средиземноморья, о чем свидетельствуют многочисленные проксении иностранным купцам, упоминания античных авторов и огромное количество археологических находок разнообразных импортных предметов. Прибытие иностранного судна становилось заметным событием в жизни горожан.

Порты античных городов Северного Причерноморья заполняли сравнительно небольшие торговые и военные суда. Их вид можно представить по графическим рисункам, обнаруженным в античных городах Северного Причерноморья [Петерс, 1982, с. 133-146]. На стенах нимфейского святилища богов, покровительствовавших мореплаванию, посетители прочертили более тридцати изображений небольших парусных кораблей, среди которых выделяется огромное судно «Исида», прибывшее из Египта. Вероятно, корабль остановился в Нимфее по пути в столичный порт Пантикапея. Здание святилища и рисунки на его стене синхронны времени царствования Перисада II, правившего Боспором в 284- 245 гг. до н. э. Известно, что он отправлял своих послов в Египет, и с этим как- то было связано прибытие египетского корабля. Имя этого царя есть среди граффити на стене святилища [Грач, 1984, с. 81-88].

Визит на Боспор корабля из Египта был экстраординарным событием, которое, безусловно, обсуждали все местные жители. Греки всегда отличались повышенным интересом ко всему необычайному. Аристотель (fr. 83 Rose) высмеивал множество зевак, которые, узнав о появлении в гавани корабля из дальних стран, сбегались в порт послушать рассказы мореходов. Конечно, боспоряне стремились рассмотреть редкостное судно и пообщаться с его командой.

Рисунок египетского корабля с написанным на его борту наименованием ΙΣΙΣ (Исида) сделан явно с натуры, и его автор хорошо знал морское дело, хотя и не обладал выдающимися художественными способностями. Он детально изобразил военную триеру, названную именем самой почитаемой богини птолемеевского Египта. Триера, снабженная двумя таранами, имела длину не менее шестидесяти метров и могла идти под парусом и на веслах. Гребцы располагались на каждой стороне в три яруса, и в каждом сидело по 27 человек. По этому рисунку мы узнаем о редком по величине судне и о его многочисленной команде. В эллинистический период официальным языком Египта служил греческий, так что многие боспоряне имели возможность пообщаться с матросами и пассажирами «Исиды».

Порт у эллинов Северного Причерноморья служил оживленным местом встреч лишь в сезон судоходства от поздней весны до ранней осени, агора же в дневное время всегда была многолюдной.

Занятия науками и литературное творчество

Как и во всей Элладе, образованные граждане античных городов Северного Причерноморья посвящали часть своего досуга чтению книг, занятиям философией и ораторским искусством, а иногда и написанию собственных философских, исторических и риторических сочинений. О таком интеллектуальном проведении свободного времени можно узнать из некоторых местных надписей, из рассмотрения произведений искусства, а также из трудов древних писателей, использовавших сведения из утраченных сочинений херсонеситов и боспорян.

Первые греческие философы и историки появились в Ионии. Поэтому не удивительно, что в ионийских колониях Северного Причерноморья уже в архаический период некоторые колонисты знали их труды. Найденные при раскопках Борисфена и Ольвии граффити на костяных пластинках VI- V вв. до н. э. показывают, что их авторы были знакомы с философией орфиков и с сочинениями Гераклита Эфесского; кроме того, они желали формулировать собственные взгляды в русле подобных философских учений. Этот вывод сделан благодаря исследованиям отечественных и зарубежных ученых, которые предложили толкования этих, на первый взгляд мало понятных, кратких символических текстов, связанных с почитанием Аполлона и Диониса [Русяева, 1992, с. 15- 18].

Прочие уцелевшие интересующие нас сведения об интеллектуальном досуге относятся к эллинистическому и римскому времени. Таковы упоминания в античной литературе о четырех философах, уроженцах Ольвии и Боспора. Бион, Посидоний

Дирил и Сфер прославились, получив высшее образование и живя в Элладе в IV-II вв. до н. э. [Скржинская, 2002, с. 140-142]. Однако их стремление стать профессиональными философами и необходимые знания для поступления в философскую школу они получили у себя на родине. Из биографии Биона Борисфенита известно, что его учителем был ольвийский ритор, который писал и собственные сочинения (Diog. Laert. IV, 22).

Философы входили в окружение боспорских царей. Так, Митродор Скепсийский, «человек немалой учености и не чуждый красноречия» оказывал сильное влияние на Митридата (Plut. Luc. 22). Интересовался философией и не названный по имени боспорский царь, приехавший во II в. н. э. в город Смирну для ознакомления с Ионией; там он заплатил, по словам Филострата, 10 талантов за возможность общения с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I, 24). Вероятно, эта непомерная сумма преувеличена, но можно доверять факту общения боспорянина с философом, и вполне объяснимо желание последнего получить за это хороший гонорар. Исходя из времени жизни Антония Полемона, этим царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк.

Сообщения о философях косвенно свидетельствуют о гуманитарных занятиях некоторых граждан Северного Причерноморья. Это подтверждается словами Диона Хрисостома о том, что молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией (Dio. Chrys. XXXVI, 8). Любителем наук был боспорянин Гелиодор, о чем написано в его эпитафии (КБН. 125).

В античности подавляющая часть исторических сочинений была написана в свободное время, имевшееся у образованных людей. Среди них следует назвать боспорских историков, труды которых лежат в основе описания Боспора у Страбона и Диодора Сицилийского [Ростовцев, 1925, с. 124-126], и херсонеситов, чьи сочинения использованы в последней главе трактата «Об управлении империей» Константина Багрянородного. Сейчас известно лишь одно имя историка, жившего в Северном Причерноморье. Это херсонесит Сириск, историческое сочинение которого высоко оценили соотечественники в III в. до н. э. Они наградили историка золотым венком и в притворе храма главной богини города выставили мраморную стелу с текстом почетного декрета в его честь (IOSPE I². 344). Сириск происходил из состоятельной семьи, получил хорошее образование и, подобно многим интеллектуалам своего времени, посвящал свой досуг творческим занятиям.

Памятники искусства также можно привлечь в качестве свидетельств об интеллектуальном досуге граждан Херсонеса и Боспора. Античные скульпторы и художники изображали ораторов, философов, политических деятелей и писателей с папирусным свитком в руках, а у их ног помещали корзину, наполненную книгами, состоящими из связок свитков. Такова, например, статуя Демосфена (рис. 52). Такие же атрибуты мы видим у боспорянина на мраморной статуе I в. н.э. (рис. 53), найденной в Пантикапее (АП. № 133). В стихотворной эпитафии на памятнике Стратоника, погибшего в конце I - начале II вв. н.э., сказано, что о мудрости покойного долго

будут напоминать его книги (КБН. 145). Поэтому на рельефе надгробной стелы Стратоник представлен со свитком в руке, он стоит у стола, где лежат еще четыре свитка, наверное, изображающие его сочинения (рис. 54). В римское время херсонеситы устанавливали на могилах статуи граждан со свитком в руке (рис. 55) или их связкой у ног (АСХ. № 309, 311, 312). Они напоминали об общественной и литературной деятельности погребенного. Такие люди, без сомнения, посвящали свой досуг чтению, беседам на философские или исторические темы, а некоторые писали собственные сочинения.

Заключение

Литературные, эпиграфические, изобразительные и материальные источники дали возможность показать, что досуг жителей античных государств Северного Причерноморья включал все виды проведения свободного времени, характерные для самых развитых центров Эллады. Надписи Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства свидетельствуют, что там заботились о коллективных формах досуга; для этого выделились общественные средства, а также привлекались взносы состоятельных граждан. Власти и благотворители строили и ремонтировали гимнасии, стадионы, театры, портики и термы. Выборные магистраты, гимнасиархи и агонотеты организовывали драматические представления, концерты, состязания поэтов и музыкантов, атлетов, всадников и колесниц. В первые века нашей эры к этому присоединились бои гладиаторов, которые иногда проходили на Боспоре, но широкое распространение такие зрелища получили лишь в Херсонесе, где для них приспособили сцену театра. Тогда же некоторые жители в городах Северного Причерноморья переняли римский обычай проводить свой досуг в термах в обществе друзей и знакомых. Наиболее распространенной формой общественного досуга всегда было посещение гимнасия. Там одни тренировались и выступали на праздничных состязаниях, другие приходили посмотреть на занятия атлетов, или принять участие в праздниках, посвященных Гермесу и Гераклу, либо просто пообщаться со знакомыми.

Все мероприятия, связанные с коллективным проведением свободного времени, проходили днем, а многие частные формы досуга занимали вечерние часы. Ведущее место принадлежало вечерним застольям с питьем вина и разнообразным играм. Совместные трапезы устраивали как отдельные люди, так и всевозможные сообщества, фиасы, получившие в римское время особо широкое распространение на Боспоре. Находки астрагалов, кубиков и шашек свидетельствуют о различных играх, которыми развлекались днем и вечером жители всех государств Северного Причерноморья.

Характер проведения досуга во многом зависел от уровня образования человека и его материальных возможностей. Только состоятельные люди могли организовать псовую охоту, участвовать в гонках колесниц, устраивать пиры с богатым угощением и приглашать на них музыкантов и актеров. Образованная элита общества во всех государствах Северного Причерноморья тратила свой досуг на чтение книг, занятия философией и историей, а некоторые писали собственные сочинения.

Почти все, что мы знаем о досуге эллинов, касается в основном взрослых граждан и отчасти свободного мужского населения. Конечно, наряду с гражданами свободные мужчины, а иногда даже рабы, сопровождавшие хозяина или посланные им с каким-то поручением, могли развлекаться разговорами на агоре или в порту, слушать там странствующих риториков или философов, играть в кости и пашки. Свободному, но не полноправному человеку были доступны все частные формы проведения досуга; вероятно, он мог пойти в театр и на стадион, но занятия в гимнасии ему не разрешались. Для занятий атлетикой и поддержания хорошей физической формы он мог посещать частную палестру.

Сложнее узнать о досуге женщин, так как жизнь матери, жены или сестры гражданина в основном ограничивалась стенами дома, а древние писатели мало интересовались жизнью женщин. Судя по изображениям на памятниках прикладного искусства, они любили играть в кости, примерять наряды и украшения. Нам не известно, имели ли женщины в Северном Причерноморье право посещать театр, как это было в Риме, но в гимнасий и на стадион, по греческим обычаям, их явно не допускали. Гетеры, о существовании которых нам известно в Ольвии и Херсонесе (Diog. Laert. IV, 7; IOSPE I². 404), вели более открытый образ жизни. Но для них, разделявших досуг мужчин, это было скорее занятием, дающим средства к существованию, а не проведением свободного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В. Цена свободы и гармонии. СПб., 1998.
Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ).
Античная художественная бронза. Каталог выставки. Л., 1973 (АХБ).
Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
Блаватская Т.В. Игральные кости из Пантикапея // Listy filologicke. № 8. Eunomia III, 2. 1959.
Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.
Блаватский В.Д. Мраморный трон из Пантикапея // СА. 1957. № 2.
Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964.
Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005. (ББ)
Варнеке Б.В. История античного театра. М., Л., 1940.
Велишский Ф.Ф. Быт греков и римлян. Прага, 1878.
Виноградов Ю.А. Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
Виноградов Ю.Г. Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса // ВДИ. 1984. № 1.
Войцетвенский М.А. Орнітофауна Ольвії // Археологічні пам'ятки УРСР. 1958. № 7.
Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949.
Горончаровский В.А. Арена и кровь. Римские гладиаторы между жизнью и смертью. СПб., 2009.
Граков Б.Н. Легенда о скифском царе Арианте // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
Горбунова К.С. Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л., 1983.
Добровольская Е.В. Археозоологические объекты Фанагории в контексте времени // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2013.
Домбровский О.И. Античный театр в Херсонесе // Сообщения Херсонесского музея. 1960. № 1.
Домбровский О.И. Херсонесская галечная мозаика и некоторые аспекты истории античного искусства // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.

- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А.* Терракотовый рельеф с дионисийской сценой из Кеп // ВДИ №2. 2012.
- Журавльов О.П.* Кісткові рештки ссавців в Ольвії та на Березані // Археологія 1982. № 42.
- Кадеев В.И.* Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). Харьков, 1996. Карышковский П.О. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1959. № 4.
- Карышковский П.О.* Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.
- Клейман И.Б.* Статуя актера в образе Паппосилена из района Ольвии // Памятники искусства из Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986.
- Климов О.Ю.* Досуг в эллинистических полисах Малой Азии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 9. СПб., 2010.
- Климов О.Ю.* Жизнь царского двора в эллинистических монархиях // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013.
- Климов О.Ю.* Царский пир в эпоху эллинизма // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 12. СПб., 2013.
- Кнабе Г.С.* О специфике межличностных отношений в античности // ВДИ. 1987. № 4.
- Кобылина М.М.* Фанагория // МИА. № 57. 1956.
- Кобылина М.М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961.
- Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1989.
- Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965. (КБН)
- Котина А.В.* Терракотовые статуэтки с подвесными конечностями из Тиритаки // Би - Вып. XXVIII. Симферополь- Керчь, 2013.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV–II вв. до н. э. Киев, 1971.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Кутайсов В.А.* Керкинитида. Симферополь, 1992.
- Кутайсов В.А.* Античный полис Керкинитида. Симферополь, 2013.
- Леви Е.И.* Ольвия город эпохи эллинизма. Л., 1985.
- Максимова М.И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.
- Надписи Ольвии. Л., 1968. (НО)
- Неверов О.Я.* Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.
- Петерс Б.Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982.
- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Ростовцев М.И.* Древние костяные пашки с юга России // ИАК 1904. № 4.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. (АДЖ)
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Петроград, 1925.
- Свенцицкая И.С.* Роль частных сообществ в общественной жизни греков эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4.
- Свенцицкая И.С.* Пир как форма общения в классической и эллинистической Греции // Одиссей. Человек в истории. Трапеза. М., 1999.
- Семенов-Зусер С.А.* Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940.
- Сергеенко М.Е.* Жизнь древнего Рима. М., 1964.
- Скржинская М.В.* Афинский мастер Ксенофант // ВДИ. 1999. № 3.
- Скржинская М.В.* Ольвиополиты и боспоряне в Афинах // ВДИ. 2002. № 2.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Скржинская М.В.* Культурные традиции Эллады в античных городах Северного Причерноморья. Киев, 2010 а.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973. (АП)
- Соколов Г.И.* Ольвия и Херсонес. Ионическое и дорическое искусство. М., 1999.
- Соколова О. Ю.* Новая надпись из Нимфея // Древности Боспора. М., 2001. Вып. 4.
- Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964. Т.1.; Киев, 1972. Т.2. (НЭПХ)
- Соломоник Э.И.* Древние надписи Крыма. Киев, 1988.

- Стрельник М.О., Хомчик М.А., Сорокіна С.А. Гральні кості (II- тис. до н. е.- XIVст. н. е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія, 2009. № 2.
- Стрельник М.О., Сорокіна С.А., Хомчик М.А. Ігри давнього населення України // Наукові записки Нац. Університету «Києво-Могилянська академія». Теорія та історія культури. Т. 101. 2010.
- Толстиков В.П. Пантикапей – столиця Боспора // Очерки по археології і історії Боспора. М., 1999.
- Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея при ранніх Спартокидах // 175 лет Керченському музею древностей. Матеріали міжнародної конференції. Керчь, 2001.
- Толстой И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Тохтасъев С.Р. Боспорская легенда об Афродите Апатуре // ВДИ. 1983. № 2.
- Устинова Ю.Б. Частные и культовые сообщества у греков // Быт и история античности. М., 1988.
- Фармаковский Б.В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // ИАК № 8. 1903.
- Феномен досуга в античном мире. СПб., 2013.
- Фирсов Л.В. Об эратосфеновом исчислении окружности Земли и длине эллинистической стадии // ВДИ. 1972. № 1.
- Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л., 1981.
- Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб., 2004.
- Фролов Э.Д. Философские содружества в классической древности // Феномен досуга в античном мире. СПб., 2013.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.
- Хейзинга Й. Номо ludens. Статьи по истории культуры. М., 1997.
- Химин М.Н. Игра Ахилла и Аякса // Античный мир и археология. Саратов, 2009.
- Ходза Е.Н. Статуэтки актеров древней и средней комедии в собрании Эрмитажа // ВДИ. 2001. № 1.
- Цалкин В.И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья // МИА. 1960. № 53.
- Шанин Ю.В. Олимпийские игры и поэзия эллинов. Киев, 1980.
- Штительман Ф.М. Античне мистецтво. Київ, 1977. (АМ)
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В.П. К публикации свода херсонесских граффити // Эпиграфика. Вып. 2. М., 1987.
- Barringer J. The Hunt in Ancient Greece. Baltimore, 2001.
- Boardman J. Athenian Black-Figure Vases. London, 1985.
- Coulton J.J. The Architectural Development of the Greek Stoa. Oxford, 1976.
- Corpus vasorum antiquorum. Russia. Pushkin State Museum Fine Arts. Moscow, 1996. (CVA)
- Evans J.A. Daily Life in the Hellenistic Age from Alexander to Cleopatra. Westport London, 2008.
- Jones A.H. Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940.
- Kopke G. Reliefkeramik Klassischer Zeit // Arch. Anzeiger. 1969. № 4.
- Kurke L. Ancient Greek board- games and how to play them // Classical philology. Vol. 94. 1999.
- Liddle G., Scott K. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968.
- Makarov I.A. From the History of Religious Cults in Tauric Chersonesus // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. 2002. V. 8. 3-4.
- Moretti L. Inscrizioni agonistiche Greche. Roma, 1953.
- Parke H.W. Festivals of the Athenians. London, 1977.
- Ross W. Aristotelis Fragmenta selecta. Oxonii, 1955.
- Sansone D. Greek Athletics and the Genesis of Sport. Berkley, 1918..
- Sparkes B.A. Kottabos: An Athenian After-dinner Game // Archeology. 1960. V.13.
- Webster T.B. Greek Theatre Production. London, 1956.P. 56
- Webster T.B. Everyday Life in Classical Athens. L., 1969.
- Zervoudaki E.A. Attische Reliefkeramik des späten V und des IV Jahrhunderts v. Chr.// Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Ableitung. № 83. 1968.

М.В. Скржинська

ДОЗВІЛЛЯ ЖИТЕЛІВ АНТИЧНИХ ДЕРЖАВ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

У статті вперше систематизовані відомості писемних і археологічних джерел про дозвілля жителів античних держав Північного Причорномор'я. Це дозволило уявити, як громадяни Ольвії, Херсонеса і міст Боспору проводили свій вільний час, наявність якого, на думку еллінів, було відмінною рисою вільної людини.

Так само, як в інших грецьких державах, тут влада турбувалась про колективне дозвілля громадян. На громадські кошти і гроші благодійників будувались і ремонтувались гімнасії, стадіони, театри, портики і терми. Виборні магістрати, гімнасіархи і агонотети організовували драматичні вистави, концерти, змагання поетів і музикантів, атлетів, вершників і колісниць. У перші століття нашої ери до цього приєдналися бої гладіаторів, що іноді проходили на Боспорі, але широкого розповсюдження такі видовища набули лише в Херсонесі, де для них пристосували сцену театру. Тоді ж деякі жителі міст Північного Причорномор'я перейняли римський звичай проводити дозвілля в термах у товаристві друзів і знайомих. Найпоширенішою формою громадського дозвілля завжди було відвідання гімнасію. Там одні тренувались і виступали на святкових змаганнях, інші приходили подивитись на атлетів, взяти участь у святах, присвячених Гермесові та Гераклу, поспілкуватися із знайомими.

Серед приватних форм проведення дозвілля провідна роль належала вечірнім застіллям з питтям вина і різноманітними іграми. Спільні трапези влаштовували як окремі люди, так і різні співтовариства, фіаси, що набули в римський час особливого поширення на Боспорі. Знахідки астрагалів, кубиків і шапок свідчать про різні ігри, якими розважались у всіх державах Північного Причорномор'я.

Характер проведення дозвілля багатоманітний чому залежав від рівня освіченості людини, її матеріальних можливостей. Написи і пам'ятки образотворчого мистецтва, що збереглися, доводять, що заможні люди могли організовувати полювання з собаками, брати участь у гонках колісниць, влаштовувати бенкети в гарно декорованих андронах і запрошувати для розважання гостей музикантів і акторів. Освічена еліта суспільства у всіх державах Північного Причорномор'я витрачала значну частину свого дозвілля на читання книжок, заняття філософією й історією, а дехто писав власні твори.

М.В. Скржинская

ДОСУГ ЖИТЕЛЕЙ АНТИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

В статье впервые систематизированы сведения письменных и археологических источников о досуге жителей античных государств Северного Причерноморья. Это дало возможность представить, как граждане Ольвии, Херсонеса и городов Боспора проводили свое свободное время, наличие которого, по мнению эллинов, было отличительной чертой свободного человека.

Как и в других греческих государствах, здесь власти заботились о коллективном досуге граждан. На общественные средства и деньги благотворителей строились и ремонтировались гимнасии, стадионы, театры портики и термы. Выборные магистраты, гимнасиархи и агонотеты организовывали драматические представления, концерты, состязания поэтов и музыкантов, атлетов, всадников и колесниц. В первые века нашей эры к этому присоединились бои гладиаторов, которые иногда проходили на Боспоре, но широкое распространение такие зрелища получили лишь в Херсонесе, где для них приспособили сцену театра. Тогда же некоторые жители в городах Северного Причерноморья переняли римский обычай проводить свой досуг в термах в обществе друзей и знакомых. Наиболее распространенной формой общественного досуга всегда было посещение гимнасия. Там одни тренировались и выступали на праздничных состязаниях, другие приходили посмотреть на атлетов, принять участие в праздниках, посвященных Гермесу и Гераклу, пообщаться со знакомыми.

Среди частных форм проведения досуга ведущая роль принадлежала вечерним застольям с питьем вина и разнообразным играм. Совместные трапезы устраивали как отдельные люди, так и всевозможные сообщества, фиасы, получившие в римское время особо широкое распространение на Боспоре. Находки астрагалов, кубиков и шашек свидетельствуют о различных играх, которыми развлекались во всех государствах Северного Причерноморья.

Характер проведения досуга во многом зависел от уровня образования человека и его материальных возможностей. Сохранившиеся надписи и памятники изобразительного искусства показывают, что состоятельные люди могли организовать псовую охоту, участвовать в гонках колесниц, устраивать пиры в красиво декорированных андронах и приглашать для развлечения гостей музыкантов и актеров. Образованная элита общества во всех государствах Северного Причерноморья тратила значительную часть своего досуга на чтение книг, занятия философией и историей, а некоторые писали собственные сочинения.

M.V. Skrzhinskaya

LEISURE OF INHABITANTS OF THE NORTHERN BLACK SEA AREA ANCIENT STATES

Summary

For the first time, the article systematizes information from written and archaeological sources about leisure of the inhabitants of Northern Black Sea area ancient cities. This made it possible to imagine how the citizens of Olbia, Chersonesos, and cities of the Bosporus spent their free time, the presence of which, according to the Hellenoi, was a distinctive feature of a free man. As in other Greek states, the authorities took care of citizens' collective leisure here. With public funds and money of benefactors, they built and repaired gymnasiums, stadiums, theaters porticoes and thermae. Elected magistrates, gymnasiarches and agonitetes, organized dramatic performances, concerts, competitions of poets and musicians, athletes, horsemen and chariots. In the first centuries AD, gladiator fights appeared, which were sometimes held in the Bosporus, but such widespread spectacles received only in Chersonesos, where they adapted the stage of the theater for that purpose. At the same time, some residents in the cities of the Northern Black Sea area adopted the Roman custom to spend their leisure in the thermae in the company of friends and acquaintances. The most common form of public recreation was always visiting a gymnasium. Some people trained there

and participated in public competitions, others came to see the athletes, to take part in celebrations dedicated to Hermes and Heracles, and to communicate with friends.

Of particular forms of leisure activities, the leading role belonged to the evening party with drinking wine and playing various games. Both individuals and various communities-thiasos, which were widely spread in the Bosphorus in Roman times, arranged joint feasts. Finds of astragaloi, cubes and checkers indicate different games that entertained people in all states of the Northern Black Sea coast.

Character of spending leisure depended largely on the level of education and financial position of a person. Preserved inscriptions and monuments of fine arts show that wealthy people could organize hunting with hounds, racing chariots, feasts in the beautifully decorated androns, and inviting musicians and actors to entertain guests. Educated elite of the society in all states of the Northern Black Sea area spent much of their leisure time reading books, studying philosophy and history, and writing their own compositions.

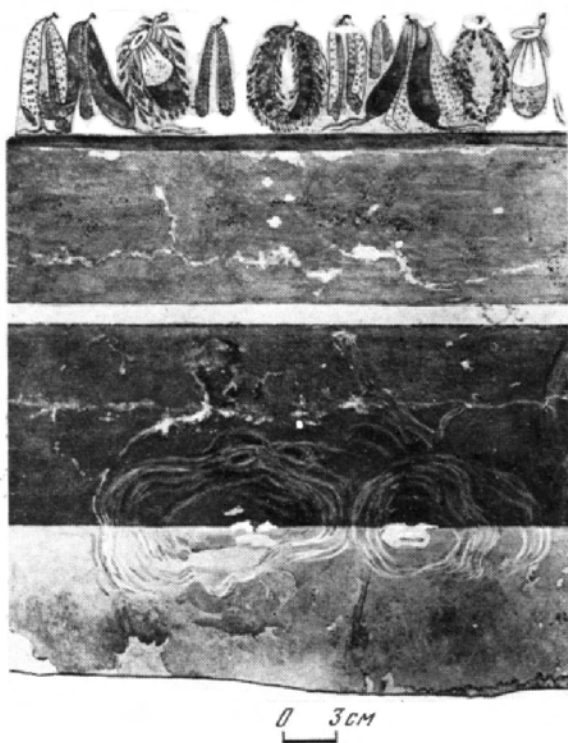
Рис. 1.
Чернофигурный
алабастр. V в. до н. э.
Ольвия.

Рис. 2.
Алабастр из
финикийского
стекла. IV в. до
н. э. Пантикапей.

Рис. 3. Бронзовые стригили с ручками, украшенными цветной эмалью. II в. н. э. Горгиппия.

Рис. 4. Изображения венков, тений и алабастров на стене склепа. IV в. до н. э. Пантикапей.

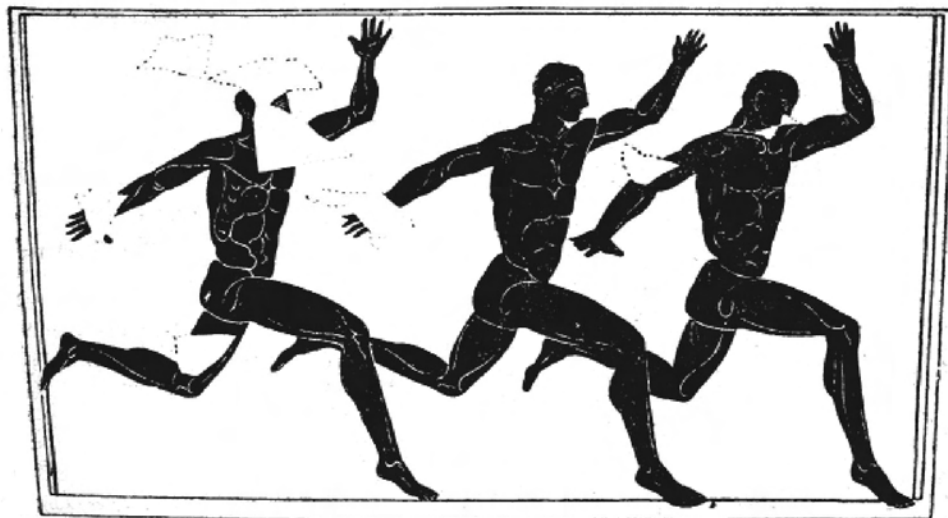

Рис. 5. Состязания в беге. Прорисовка картины на панафинеиной амфоре. IV в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 6. Кулачный бой. Черногоfigurный кратер. Середина VI в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 7. Кулачный бой. Панафинейская амфора. Конец V в. до н. э. Елизаветинский курган.

Рис. 8.
Стрела и лук скифского типа. Монета Пантикапея. IV в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 9.
Мчющийся всадник с факелом.
Чернофигурная амфора. III в. до н. э. Ольвия.

Рис. 10. Фрагмент декрета в честь Каллиника с упоминанием о награждении золотым венком в театре. III в. до н. э. Ольвия. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

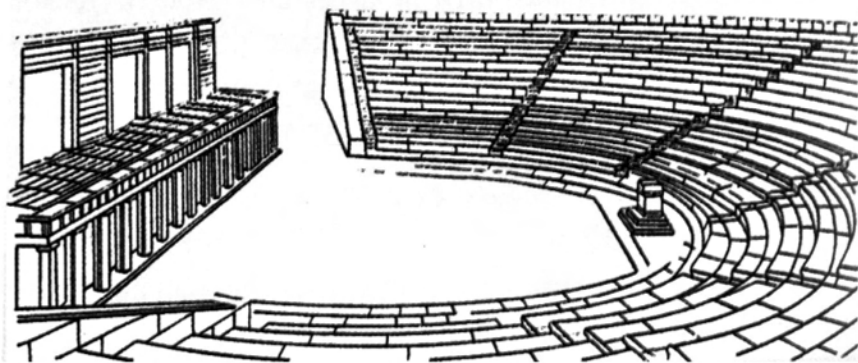

Рис. 11. Херсонесский театр. Реконструкция О.И. Домбровского.

Рис. 12.

Актер в костюме Силена. Мраморный рельеф. IV в. до н.э. Пантикапей.

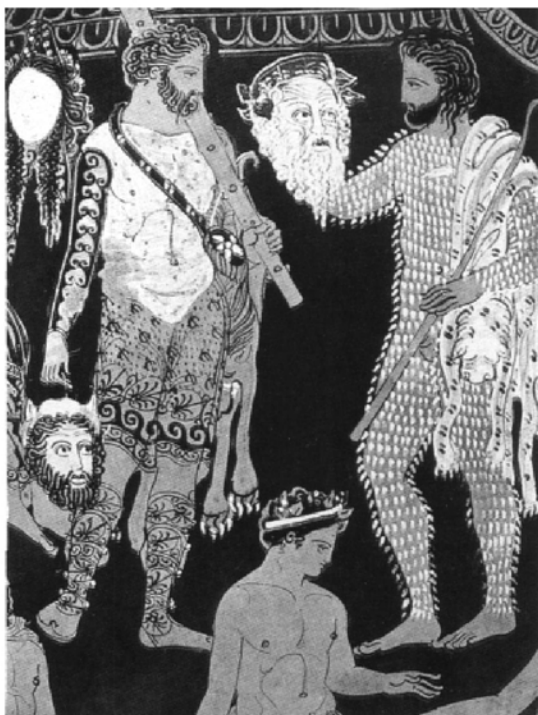

Рис. 13.

Держащие маски актеры в костюмах Геракла и Паппосилена. Рисунок на краснофигурном кратере из Руво. IV в. до н.э.

Рис. 14.

Трагическая маска I в. н. э. Пантикапей.

Рис. 15.

Комическая маска раба. IV в. до н.э. Ольвия.

16

17

Рис. 16. Трагическая маска Геракла
II- I вв. до н. э. Пантикапей.

Рис. 17. Сцена из комедии. Терракотовая
статуэтка. III- II вв. до н. э.
Пантикапей.

Рис. 18. Актер в женской роли.
Терракотовая статуэтка.
IV в. до н. э.
Курган Большая Близнаца.

18

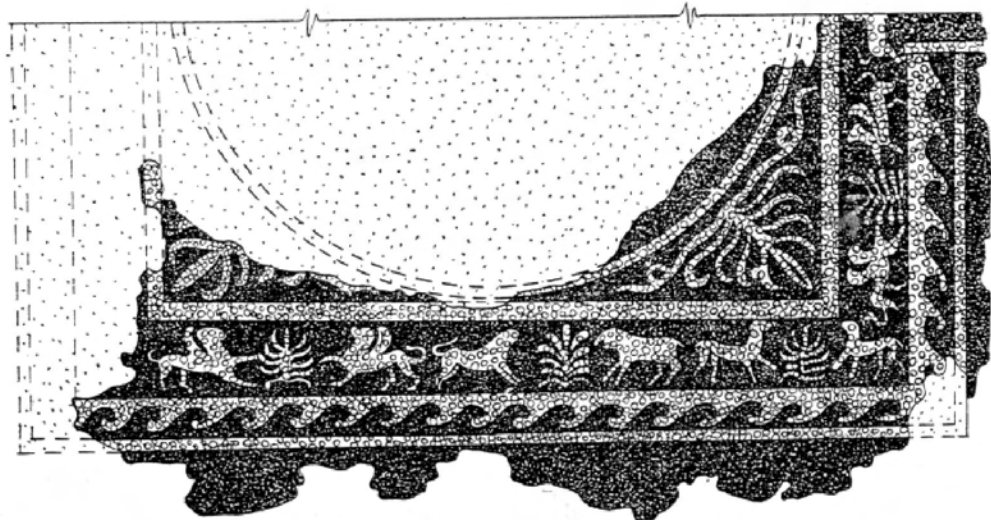
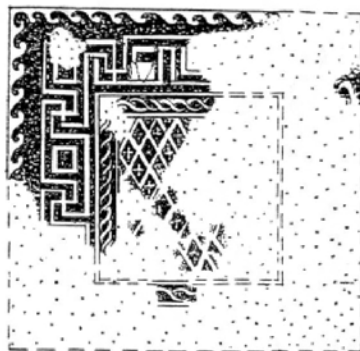
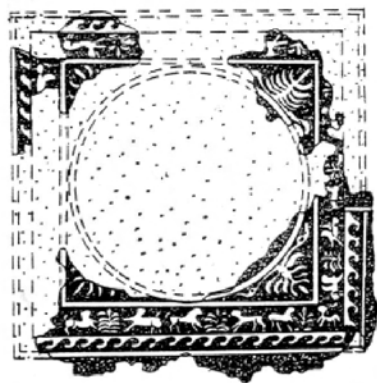

Рис. 19. Мозаики на полу ольвийских андронов. III в. до н. э.

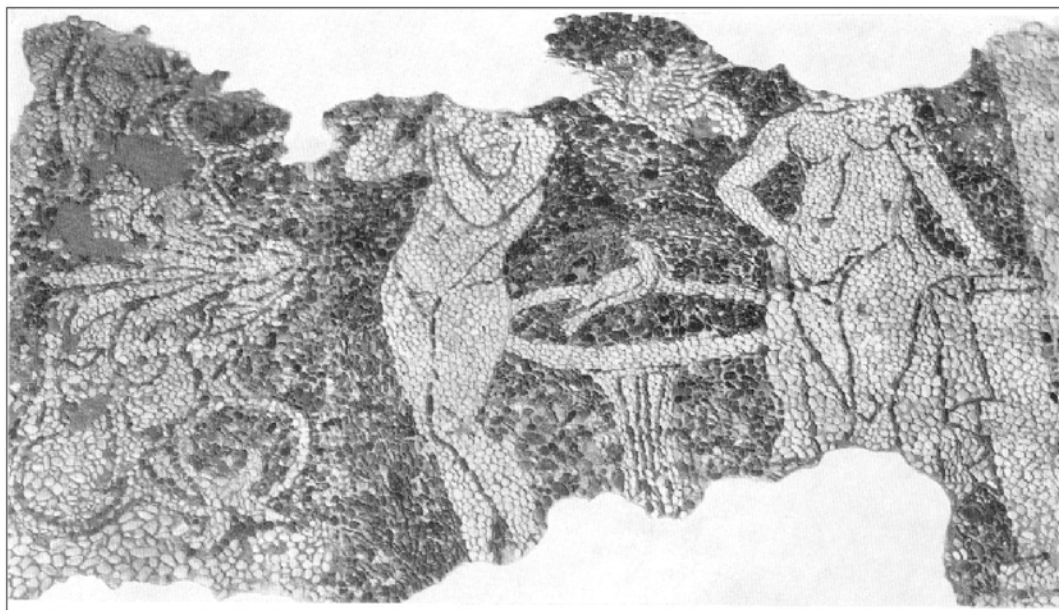

Рис. 20. Мозаика на полу херсонесского андрона. III в. до н. э.

Рис. 21. Симпозион. Фрагмент чернофигурного кратера. Последняя четверть VI в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 22. Пирующий бог. Стела ситонов. III в. до н. э. Ольвия.

Рис. 23. Изображение заgrabной трапезы на мраморном надгробии Филократа. I- II вв. н. э. Пантикапей.

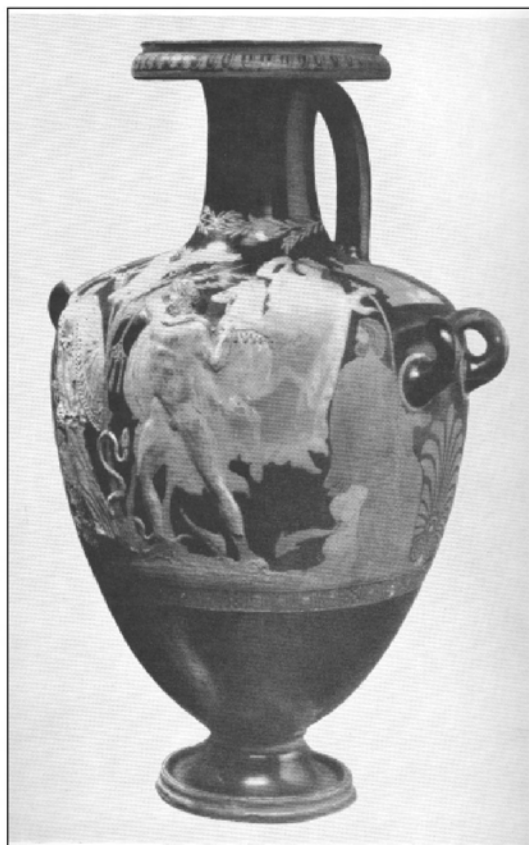
Рис. 24.

Хиосская амфора. V в. до н.э. Ольвия.

Рис. 25.

Клеймо на ручке родосской амфоры.
III в. до н.э. Ольвия.

Рис. 26.

Краснофигурная гидрия с накладными рельефами, украшенная сценой спора Афины и Посейдона. IV в. до н.э. Пантикапей.

Рис. 27.

Столовая краснофигурная амфора с изображением Афины и Тесея. Середина V в. до н. э. Нимфей.

Рис. 28.

Краснофигурная пелика с изображением Диониса и его свиты. IV в. до н. э. Пантикапей.

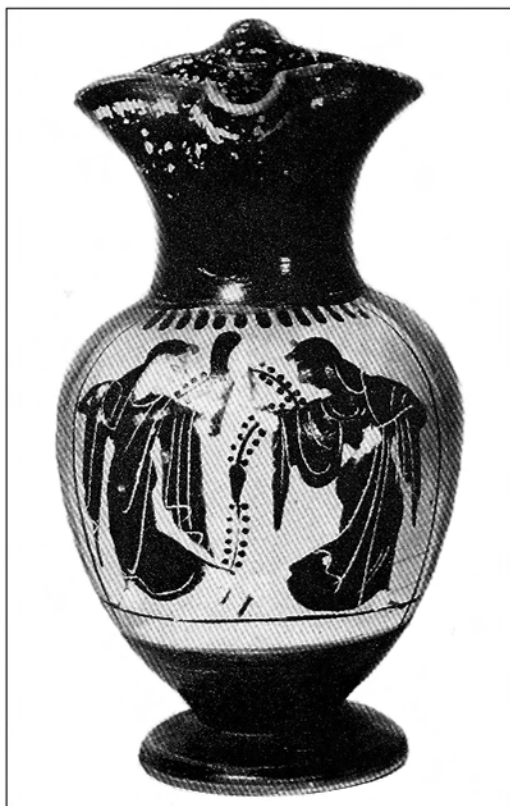

Рис. 29.

Чернофигурная ойнохоя с изображением танцующих вакханок. Начало V в. до н. э. Ольвия.

Рис. 30. Чернофигурный килик с изображением возвращения с симпозиона. 490- 480 гг. до н. э. Ольвия.

Рис. 31. Чернофигурный скифос с изображением совы. Конец V в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 32. Чернотакоый канфар IV в. до н. э. Ольвия.

Рис. 33. Чернофигурный киаф с изображением Диониса. 500- 490 гг. до н. э. Ольвия.

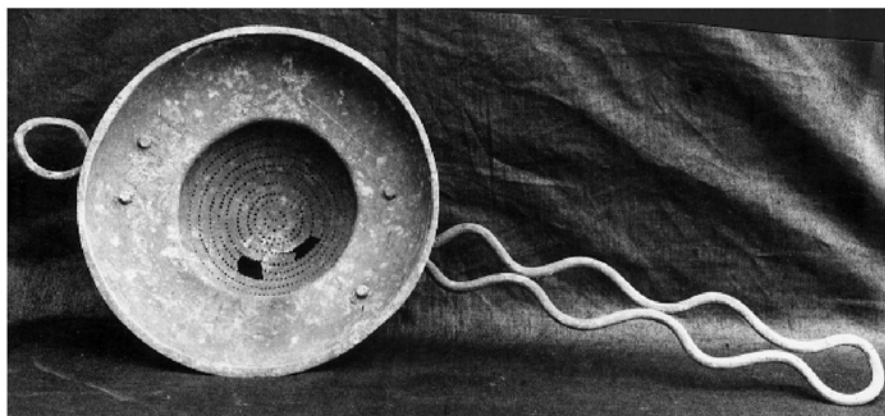

Рис. 34. Бронзовое ситечко для процеживания вина. V в. до н. э. Ольвия.

Рис. 35. Серебряные канфары. II в. до н. э. Артюховский курган.

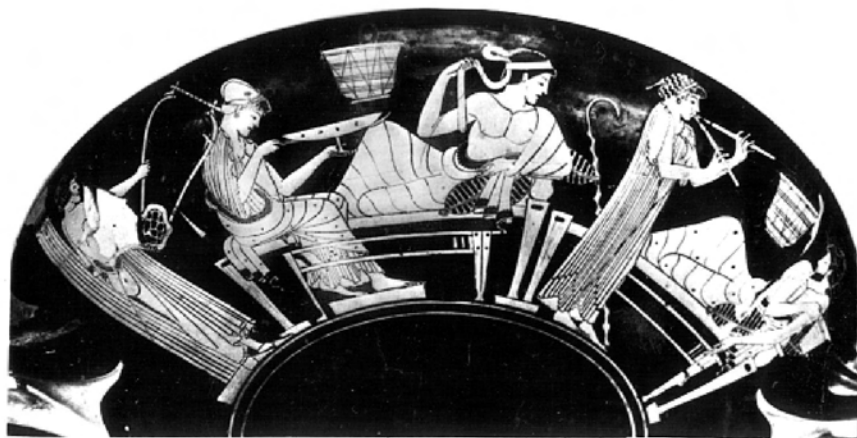

Рис. 36. Симпосион. Краснофигурный кратер. Первая половина V в. до н. э. Вулчи (Италия)

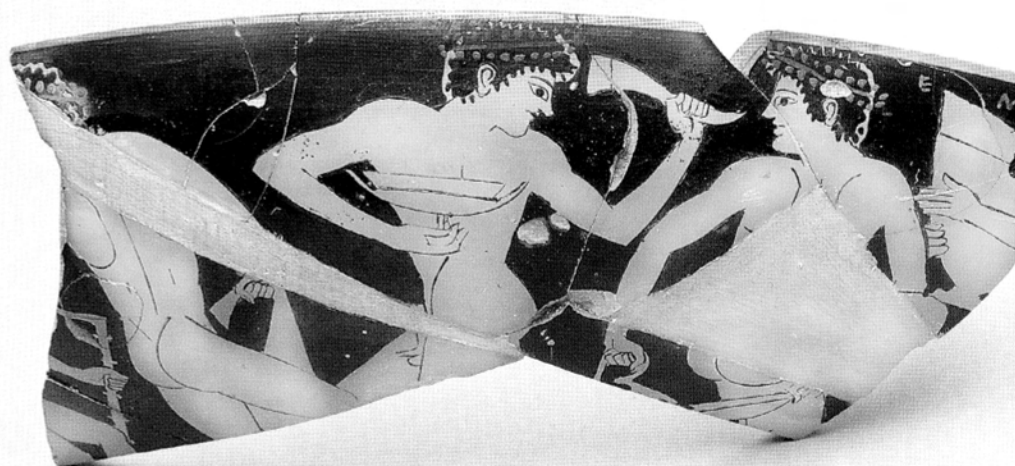

Рис. 37. Симпосион. Краснофигурная чаша. 520- 510 гг. до н. э. Борисфен.

Рис. 38. Бронзовый светильник. Рубеж I-II вв. н. э. Пантикапей.

Рис. 39. Чернолаковая солонка с граффито. IV в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 40.

Женщина, играющая на тригоне.

Терракотовая статуэтка II в. до н. э. Пантикапей.

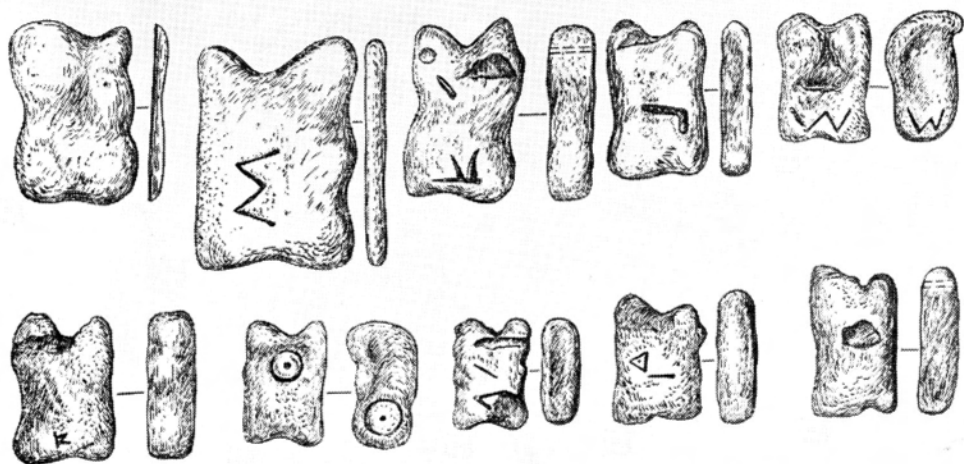

Рис. 41. Астргалы из Ольвии и Пантикапея. VI – V вв. до н. э.

Рис. 42.

Женщины, играющие в кости. Терракота эллинистического времени. Капуя (Италия)

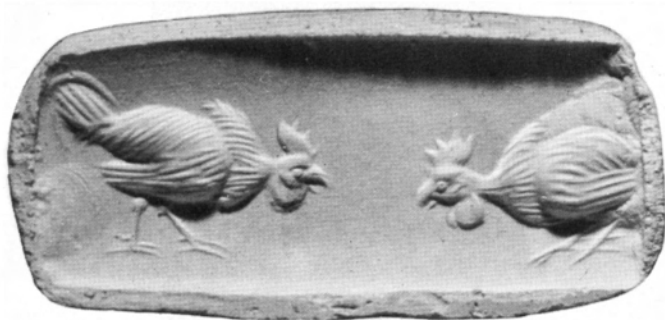
Рис. 43. Ахилл и Аякс, играющие в шашки. Чернофигурная амфора. Третья четверть VI в. до н. э.

Рис. 44. Костяные шашки римского времени. Пантикапей.

Рис. 45. Юноша с бойцовым петухом.
Оттиск инталии на яшме. Начало IV в. до н. э. Тамань.

Рис. 46. Петушинный бой.
Оттиск сердоликовой инталии. IV в. до н. э. Горгишпия.

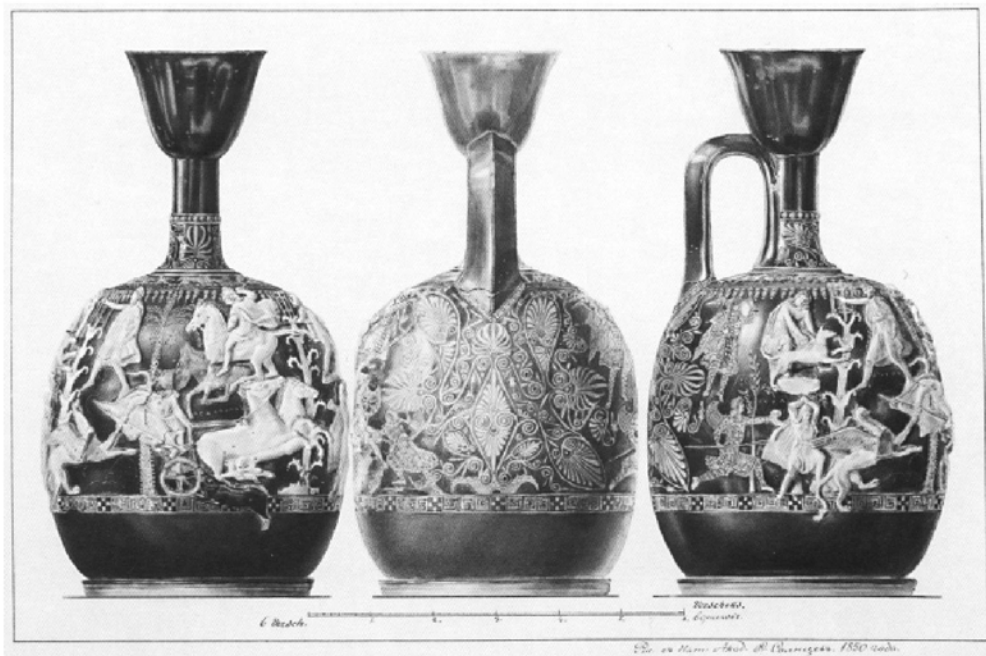

Рис. 47. Сцена охоты. Большой лекиф мастера Ксенофанта. 380-е гг. до н. э. Пантикапей.

Рис. 48. Сцена охоты. Малый лекиф мастера Ксенофанта. 380-е гг. до н. э. Пантикапей.

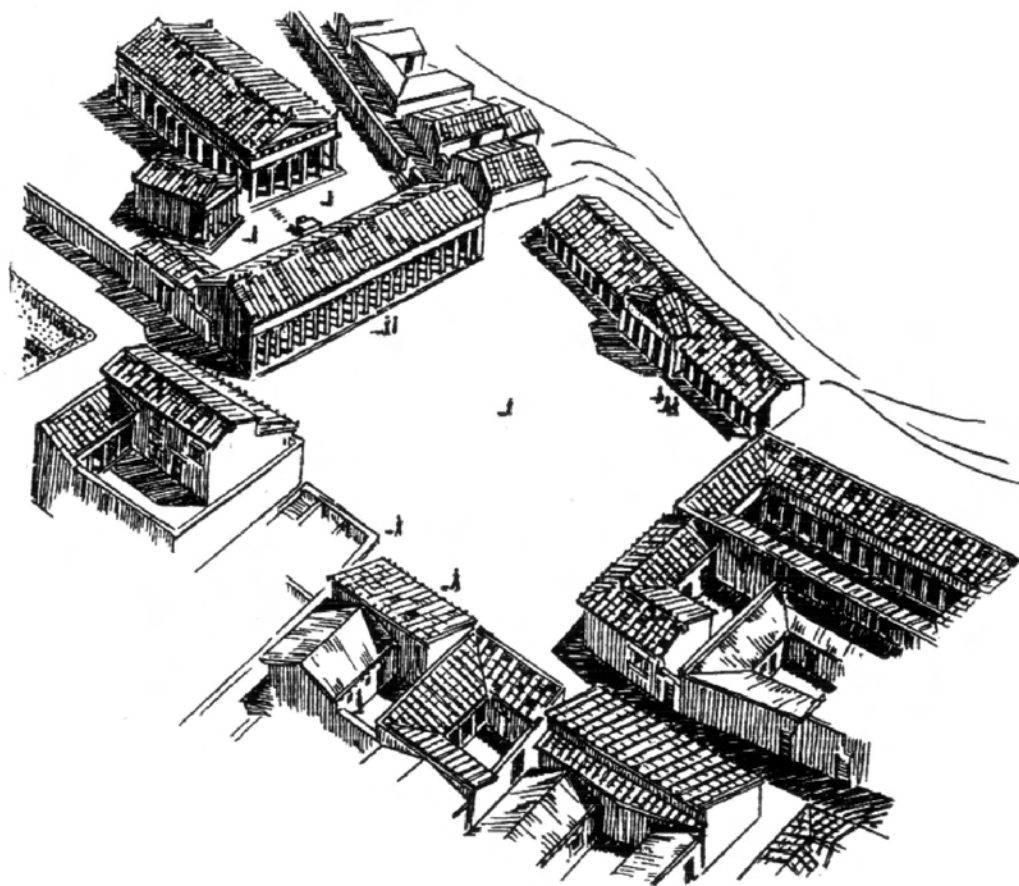

Рис. 49.

Стоя, суд, торговые ряды и гимнасий на ольвийской агоре эллинистического времени.
Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

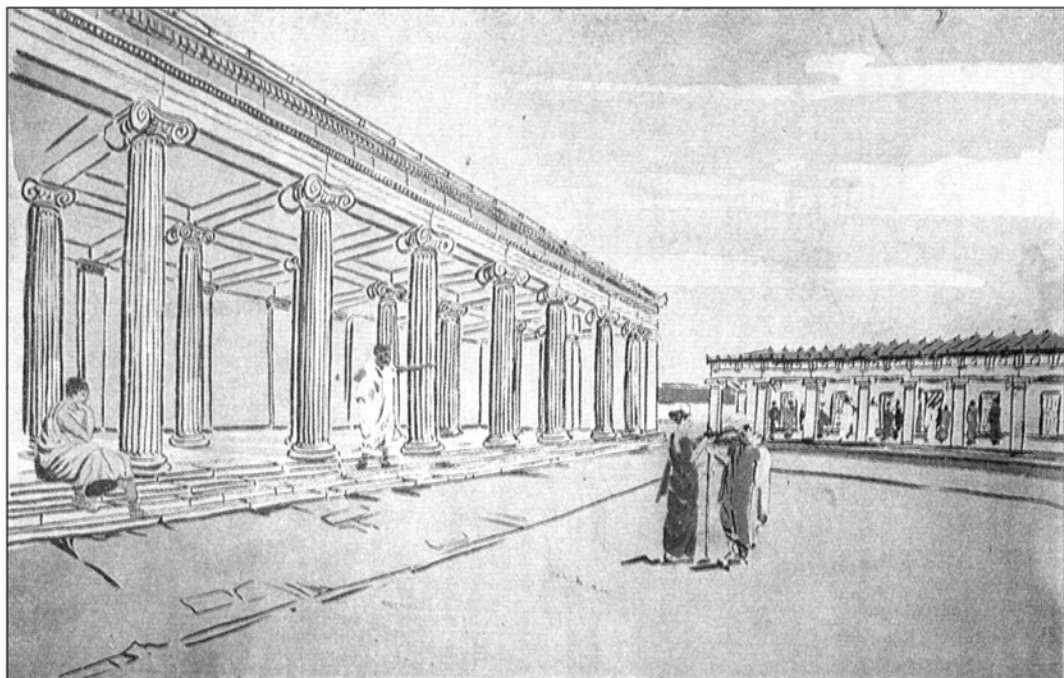

Рис. 50. Стоя эллинистического времени на агоре Ольвии. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

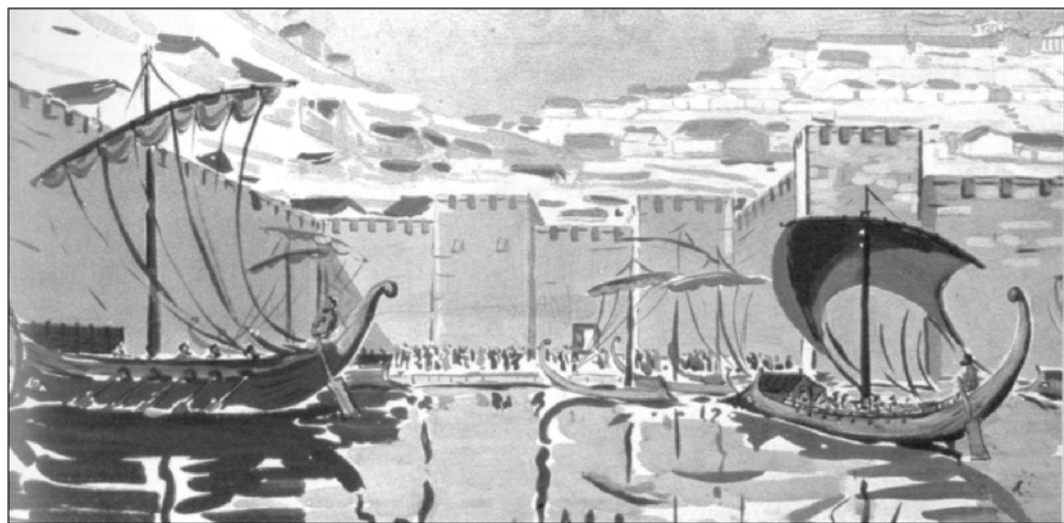

Рис. 51. Ольвийский порт. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Рис. 52. Демосфен со свитком в руках и корзиной для книг у ног.
Реконструкция статуи эллинистического времени.

Рис. 53. Мраморная статуя боспорянина со связкой свитков у ног. Пантикалей. I в. н. э.

Рис. 54. Боспорянин Стратоник со своими книгами.
Известняковая стела. I в. н. э. Пантикапей.

Рис. 55. Надгробная статуя херсонесита со свитком в руке. I в. н. э.